

Несравненная Жозефина

Автор:

Лев Каневский

Несравненная Жозефина

Лев Дмитриевич Каневский

Женские лики – символы веков

Писатель и переводчик Лев Дмитриевич Каневский (1939–2006) родился в г. Нальчике. В 1963?г. окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков, работал военным переводчиком. После демобилизации сотрудничал в различных периодических изданиях. В 1979?г. занялся литературной работой. За почти 30 лет творческой деятельности Лев Каневский перевел около ста художественных и историко-документальных произведений с четырех европейских языков. Он также является автором нескольких книг («Чудотворная жизнь Мишеля Нострадамуса», «Колдовство и оккультизм», «Знаменитые куртизанки», «Каннибализм» и др.).

В данном томе публикуется роман Каневского «Несравненная Жозефина», повествующий о той, которую само Провидение воцарила на вершину мировой истории. Эта сумасбродная красавица, овдовев и оставшись с двумя детьми на руках, смогла вскружить голову будущему императору Франции Наполеону Бонапарту. В книге рассказана непростая история женщины, нрав которой укротить было не подвластно никому.

Лев Каневский

Несравненная Жозефина

Глава I

Когда Жозефина звалась Розой...

Среди живописной россыпи Малых Антильских островов тропически пышной, райской красотой выделяется их жемчужина – остров Мартиника, на котором когда-то жили свирепые индейцы-араваки. Их после кровавых, беспощадных схваток подчинило себе другое, не менее воинственное племя карибов.

Остров Мартиника (тогда он назывался Мадиния) открыл 15 июля 1502 года Христофор Колумб. По слухам, это было царство женщин-воительниц, бесстрашных амазонок, которые носились верхом по горам и глубоким долинам, метко стреляя из лука на полном скаку.

Когда спутники Колумба предложили отправиться в глубь острова на поиски диких женщин, тот отказался, сославшись на нехватку времени, – мол, пора домой, в Испанию. То ли адмирал сдрейфил, опасаясь встречи с отчаянными мужененавистницами, то ли не верил в эту легенду, – неизвестно. В результате так и не было подтверждено поверье о существовании амазонок на Мартинике.

Их, однако, «обнаружил», но гораздо позже, в 1544 году, конкистадор Франциско де Орельяна, но совершенно в другом месте, в Бразилии, что заставило отважного Командора в память о свирепых стычках с этими странными одногрудыми женщинами переименовать полноводную реку Мараньон в Амазонку.

Однако далекая Мартиника прославилась не мифическими амазонками, а тем, что остров стал колыбелью первой жены генерала Наполеона Бонапарта, императрицы Франции.

Она родилась 24 июня 1763 года в тот день, когда после продолжительной войны между Англией и Францией за владение островом он по заключенному между сторонами Парижскому договору окончательно перешел к Франции.

Это, правда, не помешало Англии спустя год вновь захватить его и удерживать под своей властью еще восемь лет. Лишь по Амьенскому мирному договору 1802

года остров стал заморским департаментом Франции.

Самая удивительная в истории женская судьба впервые взмахнула своими волшебными крылами здесь, на океанском побережье, всего в нескольких сотнях метров от главной достопримечательности этих мест, трех прекрасных маленьких островков – Труа-Илё, лежавших напротив сонной живописной долины, где буйство ярких тропических цветов – желтого, красного, оранжевого, фиолетового – было похоже на музыкальную симфонию, переливающуюся нечуждыми мелодичными звуками, а дивными красками.

Родовое имение родителей Жозефины называлось Ла-Пажери.

В деревянной маленькой церквушке из аккуратно обструганных досок, еще не успевших потемнеть от влажного жаркого климата (она, кстати, сохранилась до сих пор наперекор всем циклонам) утром 27 июля 1763 года местный кюре, капуцин, брат Эммануил крестил девочку, родившуюся у владельца расположенного по соседству поместья. В книге регистрации браков, рождений и смертей священник сделал такую запись:

«Сегодня, 27 июля 1763 года, я имел честь крестить младенца женского пола, рожденного в законном браке мессиром Жозефом-Гаспаром де Таше, кавалером, сеньором поместья Ла-Пажери, лейтенантом артиллерии, и мадам Мари-Роз-Клэр де Верже де Санда, ее отцом и матерью».

Девочка получила имя Мари-Жозефа-Роз...

Наблюдая за религиозной церемонией, мать новорожденной вспоминала, что и ее, Роз-Клэр, когда-то крестили здесь, в этой церквушке. В ней же 9 ноября 1761 года она сочеталась браком со стройным лейтенантом Жозефом Гаспаром. Семья мужа – Таше – приехала на Мартинику только в 1726 году и по знатности и долгожительству на острове не сравнится, конечно, с ее, Мари-Роз-Клэр, предками. Они приехали сюда из Франции еще в 1644 году, через год после вступления на престол «короля Солнце» Людовика XIV. Порой, чтобы позлить мужа, она упрекала его в «незнатности рода», а поводов у нее было немало.

Месье де ла Пажери никак нельзя было назвать образцовым семьянином. Он почти не занимался хозяйством – большой плантацией сахарного тростника, на которой гнули спины с восхода до заката 50 рабов-негров, и предпочитал проводить большую часть своего времени в столице острова – Фор-де-Франс, который через несколько десятилетий станет называться Фор-Наполеон, – где, по словам его огорченной супруги, «у него было куда больше удовольствий, чем дома, рядом со мной и маленькой дочуркой».

Там Жозеф-Гаспар развлекался в обществе красивых негритянок и мулаток в доме своей сестры Мари-Эжен Таше и старшего брата Роберта. Мать Жозефины, конечно, страдала от полного равнодушия к ней со стороны легкомысленного супруга, и ей оставалось только надеяться на рождение сына, который будет уделять ей, когда вырастет, гораздо больше внимания, чем непоседливый эгоист, стареющий лейтенант.

Но ничего не получалось, словно кто-то ее заколдовал. Мальчик на свет так и не появлялся, несмотря на ее долгие, жаркие молитвы по ночам. После Жозефины через год родилась дочь Катрин-Дезире, а еще через два – опять девочка, которую называли Мари-Франсуаз.

Жозефина считалась самой красивой из трех сестер, и все вокруг называли ее только «прекрасной креолкой». Такое лестное прозвище производило на нее должное впечатление, и она, постоянно заглядывая в зеркальце, любовалась своим красивым смуглым лицом, густыми черными волосами, а вплетенные в них красные розочки лишь сильнее оттеняли ее нежную кожу. Воспитанием Жозефины, по существу, никто не занимался. Она была, как и все ее сверстницы, предоставлена самой себе, и ей приходилось каждый день придумывать, чем бы заняться. Вокруг пьяняще благоухали бугенвилеи и жасмин. Почти целый день она раскачивалась в своем гамаке, словно в лодочке, и предавалась сладким грезам, поедая гигантских креветок, крабов, отменно вкусную местную рыбу коффри и заедала все это сочными ананасами. Больше всего ей нравились танцы, и с десяти лет она только этим и занималась – танцевала всегда и повсюду, перед любой аудиторией, и это несмотря на жару и довольно слабое свое здоровье. Еще она любила петь, обожала исполнять простые печальные песенки, особенно романсы, – их жалостливые мелодии, казалось, больше отвечали складу ее креольской души, ее томлению, постоянной легкой меланхолии, задумчивости. Но порой ей нравилось одиночество, настороженная тишина, тихое шевеление листвы, вызываемое ленивыми порывами свежего ветерка с моря, смиренно застывшие в гордой непреклонности высокие стройные пальмы,

аляповатое буйство тропических цветов, складывавшихся в такие природные картины, от которых разыгрывалось воображение, и в своих мечтах она уносилась куда-то далеко-далеко, где ее ожидала таинственная, будоражащая своей непостижимостью неизвестность. Она очень любила бывать одна на трех островках – Труа-Илё, и воспоминания о них никогда не изгладятся из ее памяти.

В этом раю она считала себя «царицей» и даже имела при себе свой «двор». Его составляли мулатка Эвфемия, чернокожая кормилица Марион и чернокожая рабыня по имени Брижжит.

Мать Мари-Роз-Жозефы понимала, конечно, что даже самый красивый цветок останется дичком, если его не облагородить, и решила отправить дочь в монастырь, хотя такое решение далось ей нелегко. Ей не хотелось расставаться со своей старшей дочерью надолго, а разлука предстояла на целых четыре года. Но Розе уже десять лет, а на Мартинике необузданная природа заставляет девочек рано созревать. В пятнадцать – любая из креолок уже писаная красавица с такими пышными формами, что и глаз не оторвать.

Она сама на лодке по заливу отвезла Розу в Фор-де-Франс в монастырскую обитель «Дамы Провидения».

Четыре года занудливой, отдающей гнильцой рутины, скучных апостольских наставлений, долгих молитв, постов, редких праздников, когда ее навещали бабушка, брат отца Роберт или его младшая сестра – тетушка Розетта, – с ней ее самым причудливым образом вскоре крепко свяжет капризная судьба.

Прошли, проскрипели, словно несмазанные колеса, дни тоскливого затворничества, и вот после четырехлетнего «нравственного совершенствования» дикарка, как ее называли сестры-монахини, наконец покидала унылые стены обители. Многому ли она там научилась? Трудно сказать. Стандартный набор религиозных воззрений, не очень глубокое знакомство с греческими и латинскими классиками, французскими писателями, умение играть на арфе, бренчать на гитаре, петь – вот, пожалуй и все. Достаточно ли всего этого для интеллектуального багажа, чтобы стать императрицей? Но тогда таких шальных мыслей ни у кого в голове не было. Кто мог сказать наверное, на кого падет разящий взгляд судьбы, кто станет ее очередной избранницей?

Проезжая мимо большой эспланады, огораживавшей город от территории порта, этого любимого променада жителей столицы, Роза, конечно, и не предполагала, что на этом месте через тридцать лет будет возвышаться ее высокая статуя из белого мрамора в окружении зеленых пальм, которую невежественные крестьяне, приезжающие в Фор-де-Франс в поисках работы, будут принимать за Пресвятую Деву Марию, осеняя себя крестным знамением...

Возобновилась ее прежняя, такая знакомая неспешная жизнь на острове среди негров и доброжелательных мулаток, не обещавшая в ближайшем будущем никаких особых перемен.

Однако вскоре душу экзальтированной, наделенной богатым воображением девушки посетила любовь, правда, под личиной невинной дружбы с мальчиком по имени Уильям, к которому она вдруг стала испытывать нежные, прежде неведомые ей волнующие чувства.

Его предки приехали на Мартинику из Англии давно, после падения династии Стюартов, верными сторонниками которых они всегда были, после казни в 1649 году короля Карла I и прихода к власти жаждущего крови и беспрекословного повиновения тирана по имени Оливер Кромвель.

Дома молодых людей находились по соседству, и маленькая Роза еще до отъезда в монастырь часто приходила в гости в семейство Уильяма, но тогда почему-то была к нему совершенно равнодушна, и ее никогда не влекла к нему такая неудержимая сила, как сейчас.

Он был младше ее на два года и тоже испытывал к ней непреодолимую симпатию. Они были всегда вместе, проводили целые дни на островках, где он читал ей свои первые, робкие стихи. Все в округе считали Уильяма вундеркиндом, так что умненький начитанный англичанин не мог не нравиться девочкам.

Однажды на островке они дали друг другу клятву тайно обвенчаться, стать женихом и невестой. Роза была настолько уверена в своих чувствах, что и не помышляла нарушить такую волнующую присягу на верность, Уильям тоже не собирался менять своего «твердого решения». Эти трогательные юные влюбленные из-за обрушившегося на них потока не изведанных доселе чувств совсем забыли, что в столь раннем возрасте они не вольны распоряжаться собою

и что над ними непреодолимо властвует иная сила – родительский диктат.

Отец Уильяма отправил сына учиться в престижный Оксфорд, и тот не посмел перечить его воле. Жених уехал от невесты, осталась лишь неосязаемая клятва, когда-то стыдливо прозвучавшая на тропическом островке. Выдержит ли она испытание временем и расстоянием? Уильям пообещал несчастной Розе писать, но за целый год она так и не получила от него заветного письма. Сколько раз она наведывалась к мадам К., матери Уильяма, но та всякий раз лишь горестно всплескивала руками и заученно отвечала одной и той же фразой:

– Для вас, к сожалению, ничего нет!

Теряющейся в догадках безутешной Розе оставалось только ждать, смягчать душевные терзания слабой, едва мерцающей надеждой. Что же с ним такое приключилось?

Она только что прочитала нравоучительный роман Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» и теперь, думая о своем женихе, решила на него погадать, используя тот же метод, к которому в подобной ситуации прибегал несчастный Эмиль.

Каждое утро она шла к своему любимому платану, собирая по дорожке все камушки. Сев на камень напротив толстого ствола, она с расстояния нескольких метров бросала в дерево камушки, загадывая при этом желание. Если камушек попадет – оно непременно исполнится, Уильям приедет и они официально обвенчаются. Но камушки, словно заговоренные, чаще пролетали мимо, и мрачная тень пробегала по ее удрученному лицу. «Нет больше сил пребывать в неизвестности, – подумала она. – Нужно все выяснить у гадалки, у этой знаменитой Элиамы, пророческая слава которой гремит по всему острову. Все местные жители считают ее ведьмой, ученицей Вельзевула».

Эту тучную рыжую мулатку за глаза называли «ирландским питоном». Она была рабыней мадам Реноден, но себя она почему-то величала мужским именем – Давид!

Роза боялась идти одна к страшной сивилле, поэтому уговорила двух своих подружек отправиться с ней вместе. Кому же не хочется узнать свое будущее? Тех долго уговаривать не пришлось. И вот они подошли к скромной

тростниковой хижине, расположенной у устья речушки с забавным названием – Мышкин Ус.

Прежде всего Розе бросились в глаза упругие стебли магического растения во дворе, так называемого гигантского желтого лука, который всегда считался колдовским зельем у местных знахарок. Она была поражена красотой этого таинственного растения и через много лет, когда она станет хозяйкой уютного загородного дома, выпишет с Мартиники для своей оранжереи этот лук.

Когда три подружки, робея, вошли в сумрачную хижину, вопреки ожиданиям не увидели пророчицу, восседающую на золотом с рубинами троне. Не было слышно и гадкого шипения ядовитых змей, которые сразу смолкали, повинаясь строгому голосу или резкому жесту заклинательницы. На голове у нее не горел полумесяц, а в волосах не поблескивали изумруды. Толстая гадалка сидела на обычной тростниковой циновке, поджав под себя тумбы ног, в окружении толпы любопытных, притихших посетителей.

Обычный, рядовой вид гадалки разочаровал Розу. Ну какая же стоящая колдунья обретается на грязной соломенной подстилке? Нет, уж лучше бросать камушки в ствол платана. Роза уже повернулась к выходу, увлекая за собой подружек, как вдруг за ее спиной раздался громовой голос «ирландского питона».

– Куда же вы, мои милые? Вы, конечно, не рассчитывали увидеть простую мулатку на циновке. Вам хотелось посмотреть, как из моего рта начнут вырываться клубы тошнотворного пара, словно из расщелины скалы Дельфийского оракула, как вспыхнет пламя в моей хижине, как все здесь вдруг затрясется, словно на вулкане, как запахнет серой и угарным газом. Нет, мои прекрасные маленькие креолки, ничего такого не произойдет, и не мечтайте. Здесь вам нечего бояться. Постарайтесь расслабиться, отгоните робость и страхи, уверяю вас – вы не пожалеете о том, что удостоили своим посещением старую мулатку. Ну, подойдите поближе, протяните мне правую руку.

Первой к гадалке с вытянутой рукой отважно шагнула дальняя родственница Розы и подружка по монастырскому пансиону Эмё дю Бюк де Вивери. Мулатка долго изучала ее раскрытую ладонь. Потом, закатив глаза, начала монотонным, глухим голосом «вещать»:

– Ваши родители намерены послать вас в Европу для завершения учебы и совершенствования воспитания. По пути ваш корабль перехватят алжирские пираты, и вы очень скоро окажетесь в султанском серале. Там у вас родится сын, который взойдет на трон и будет счастливо править всей страной. Но ступени его трона будут окровавлены в результате убийства одного из ближайших претендентов на высшую власть. Вы сами не будете играть заметной роли в правлении государством, но вы станете хозяйкой великолепного дворца, откуда сможете в какой-то мере оказывать влияние на политическую жизнь. В тот момент, когда вы уже сочтете себя на краю блаженства, ваше счастье испарится, как сон, как легкое облачко, и продолжительная, мучительная болезнь сведет вас в могилу...

Лицо Эмё дю Бюк омрачилось. Она, конечно, внутренне сопротивлялась, отказывалась принимать столь печальные предсказания, но тем не менее им предстояло сбыться, причем с такой точностью, что не могло не вызывать удивления у всех, кому были известны эти пророчества гадалки.

Эта креолка, подружка Розы, мадемуазель Эмё дю Бюк, на самом деле покинула Мартинику летом 1776 года. Корабль был действительно захвачен алжирскими пиратами. По пути на родину алжирская бригантина была захвачена в открытом море турецкими корсарами. Взяв красивую девушку в плен, они не мешкая отправили ее в подарок великому султану Селиму III, в его гарем. В Константинополе она оказалась среди целой армии одалисок, представительниц всех наций и всех оттенков кожи. Вскоре она родила мальчика. Так родился султан Махмут II, который взойшел на турецкий трон. Став матерью правящего султана, она прежде всего отправила в знак благодарности мулатке на Мартинику столько денег и драгоценностей, которых хватило бы для безбедного существования до конца ее дней. Она считала себя самой счастливой женщиной на свете в окружении своего многочисленного семейства. Но, к великому их несчастью, она, как и предсказывала Элиама, тяжело заболела и вскоре умерла в возрасте 51 года. Случилось это в 1811 году.

Перед смертью она просила своего сына не забывать несчастную императрицу Жозефину, в то время уже разведенную, помогать ей и питала к своей подруге самые нежные чувства до самой смерти.

...Роза чувствовала, как она вся дрожит. Теперь ее очередь протянуть ладонь этой мерзкой сивилле.

Разглядывая ее руку, та говорила:

– Вижу, ты не очень хочешь слышать от меня всю правду, но тут уж ничего не поделаешь. Давид никогда не скрывает истины, какой бы нелицеприятной она ни была. Не дело это гадалки! Судьбу не проведешь, не обманешь. Так что, милая пташка, будь готова ко всему, скрывать ничего не стану.

Она приблизила свои большие глаза с желтоватыми яблоками к ее большому пальцу, внимательно изучая мелкие бороздки на нем, то и дело проводя по нему своими розоватыми подушечками.

От ее холодного прикосновения Роза невольно поежилась.

Лицо Элиамы вдруг исказилось, словно она хлебнула крепкой лимонной настойки. Зазвучал ее глухой, раскатистый, по-мужски хриплый голос:

– Брачные узы соединят вас с блондином по воле одного из членов вашей семьи. Та молодая особа, которую вы призваны заменить, долго не протянет. Юный креол, которого вы любите, все время думает о вас, но вы никогда не выйдете за него замуж, лишь станете предпринимать усилия, чтобы спасти ему жизнь. Его ждет бесславный конец.

Ваша звезда указывает на два брака. Первый ваш муж – уроженец Мартиники, но он будет жить в Париже и носить саблю. Он изведает краткое счастье с вами. Какой-то злобный процесс вас разъединит, и королевство франков погрузится в пучину несчастий. Ваш муж трагически погибнет, оставив вас вдовой с двумя детьми на руках. Второй будет сильно смуглым, но европейского происхождения, человек незажиточный, даже бедный, но он станет знаменитостью; весь мир будет овеян его славой, и он подчинит своей власти множество других народов. Вы станете очень знатной дамой и будете обладать верховной властью. Вы будете больше чем королева! Однако неблагодарные люди забудут о ваших благодеяниях, и вы умрете глубоко несчастной женщиной.

Все это произойдет в какой-то части кельтской Галлии, и вы не раз при своем благополучии пожалеете о том, что бросили эту тихую и безоблачную жизнь в нашей колонии...

У бедной ошарашенной Розы перехватило дыхание. Она вытаращила глаза на абсолютно невозмутимую мулатку. Да в своем ли она уме? Делать такие фантастические предсказания! Огорошила, ничего не скажешь!

– Больше чем королева! Это как понять? – терялась в догадках взволнованная Роза.

Не менее ее была заинтригована ее подружка, которой, по словам колдуньи, быть султаншей, а это ведь тоже королева. Только на Востоке.

Черт знает что такое! Две будущие сюзеренши на Мартинике – затерянной в океане в гряде Наветренных островов...

Несколько ночей взбудораженные подружки не спали, они были так перевозбуждены, что, казалось, Морфей отказывал им в своих успокоительных объятиях.

В конце концов Роза не выдержала, рассказала о чудесных предсказаниях отцу, но тот и ухом не повел.

– Мало ли что наговорят эти пройдохи-мулатки с больным воображением. Только слушай, – предостерег он дочь.

Жизнь шла своим чередом, один день сменялся другим, и прекрасная креолка старалась забыть все, что ей напроорочествовала ирландская ведьма. Тот, кто слишком много обещает, вызывает лишь подозрения, убежденно говорила она подружкам.

Но в эту минуту она не отдавала себе отчета, что пророчества Элиамы уже начинали, как это ни странно, сбываться.

Уильям ее на самом деле не забыл, он помнил о данной ей клятве и писал ей письма. Но его мать, не желая неравного брака сына (они были куда богаче семьи Таше), не передавала их Розе, складывая нераспечатанными в шкатулку. Их там уже накопилось больше двадцати. А Роза, несмотря на совет мулатки «порвать с молодым креолом», не собиралась этого делать, надеясь, несмотря на все сердечные мучения, когда-нибудь стать его женой...

...Летом 1805 года император Наполеон I со своей супругой Жозефиной совершал поездку по Италии, где состоялись торжества по поводу годовщины всем памятной его сокрушительной победы над австрийцами при Маренго.

В монастыре, у подножия горы Монт-Чени, через которую лежала через Альпы дорога домой, иеромонах рассказал ему интересную историю. На самой вершине этой горы в мрачном, убогом ските живет какой-то странный отшельник, который, по-видимому, дал обет молчания. Он там ни с кем не общается, живет в этой глуши один как сыч, и о нем их братии, по сути дела, ничего не известно. Говорят, он – англичанин, но родом с Мартиники, за какие-то политические козни оказался в парижской тюрьме Тампль, откуда кто-то помог ему выбраться. Он эмигрировал в Италию, принял монашеский постриг и долгое время жил здесь, в обители. Потом ушел от них, поселился на вершине горы.

Слушая настоятеля, Наполеон, видимо, что-то мучительно вспоминал. На память ему, как известно, жаловаться никогда не приходилось. Да, это он распорядился отправить за решетку генерала Ле Бюка с его сообщником, каким-то англичанином, за их попытки помешать его коронованию в Нотр-Дам в декабре 1804 года.

«Уж не тот ли это англичанин с Мартиники, родины Жозефины, о котором она не раз рассказывала? Ее первая детская любовь, ее “жених”, с которым ее связывала клятва верности?» – пронеслось у него в голове.

Он рассказал об этом Жозефине, и она загорелась желанием непременно увидеться с ним. Может, правда?

– Да что вы, ваше величество, – возразил ей кто-то из монахов. – Придется забираться на самую вершину. Дорог там нет, никакому экипажу не проехать. По узким каменистым тропам опасно даже ходить, того и гляди, свалишься в пропасть со скалы. Нет, вам лучше отказаться от этой затеи.

– Желание императрицы для меня закон, – громко засмеялся Наполеон. – Ну что же, если нельзя доехать, будем карабкаться! Мне не впервой.

Четверо дюжих молодцов несли Жозефину на носилках по узким тропинкам в гору, а Наполеон, усмехаясь, подбадривал жену, у которой от страха замирало сердце.

Когда они наконец добрались до макушки и отшельник вышел к ним, она сразу узнала в этом бородаче в грязных лохмотьях, через которые просвечивало худое немытое тело, Уильяма, свою первую любовь. Он молча смотрел на нее, и по его равнодушному мутному взгляду нельзя было сказать, узнал ли он свою «маленькую креолочку» в этой статной женщине в шикарном одеянии.

Она невольно, под наплывом вдруг воспрянувших чувств, сделала шаг вперед, протянув к нему руки, но злобный, угрожающий взгляд мужа заставил ее тут же попятиться назад. Минут пять все молча стояли в полутемной хижине, глядя на этого бессловесного горного жителя. Тот, так и не проронив ни слова, повернулся и ушел. Его повсюду искали, но так и не нашли.

– Не очень галантен твой женишок, – язвительно бросил ей Наполеон. – Твой дорогой Уильям мог бы, по крайней мере, поприветствовать императрицу Франции. Вот тебе и первая любовь!

Жозефина, вспыхнув от обиды, промолчала, еще ниже опустив голову. Ей на память снова пришли слова Элиамы с Мартиники: «...и станете предпринимать усилия, чтобы спасти ему жизнь». Из тюрьмы в Париже он через маркизу Монтессон передал ей записочку, в которой просил о двух вещах – о каком-нибудь памятном сувенире и паспорте. Через министра Фуше она выхлопотала разрешение на освобождение узника и передала ему заграничный паспорт. Уильям вернулся в Шотландию, где продолжал жить со своей семьей. Там от чахотки умерла его молодая жена, с которой он нарушил данную Розе клятву по настоянию своего дяди, богатого лорда Лава.

В отчаянии он, распродав свое имущество, уехал в Италию, где и стал монахом.

После этой памятной встречи на вершине альпийской горы Монт-Чени она старалась о нем больше не думать. Но девять лет спустя, в 1814 году, когда к Парижу подступали армии союзников, он вдруг появился у нее в загородном домике в Мальмезоне.

В бою он был ранен в руку, и та висела у него на груди на перевязи. Жозефина приняла его довольно холодно. Вероятно, такой прием его сильно огорчил, так как очень скоро он опасно заболел. Началась гангрена, и ему пришлось ампутировать руку. Императрица, узнав об этом, отправила к нему одну из своих близких подруг, чтобы узнать, чем она может помочь несчастному. Но помочь

ему, как и уже тяжело больной Жозефине, никто не мог. Он ужасно страдал перед смертью.

«Его ждет бесславный конец», – вспоминала она слова мартиникской вещуньи. Уильям скончался три дня спустя после смерти первой супруги Наполеона...

...Зловещие предсказания «ирландского питона» продолжали сбываться с магической четкостью. Вскоре Роза, которой не было еще и пятнадцати, окажется – разумеется, не по своей воле – вовлечена в ураганный вихрь самых удивительных событий, которые круто изменяют ее тихую, привычную жизнь. Мощный тропический циклон подхватит хрупкую девочку и унесет на своих могучих крыльях за «тридцать морей», в далекую метрополию...

Маркизу де Богарне, жившему уже в то время во Франции, пришла в голову мысль женить своего старшего из двоих сыновей, ветреного Александра: пора, мол, этому повесе образумиться.

Генерал-лейтенант Богарне исполнял обязанности губернатора французских Антильских островов, и в его подчинении находилась не только Мартиника, но и Гваделупа, Доминика, Сент-Лусия, Гренада, Гренадины, Тринидад и Тобаго, Барбадос и Кайена (Французская Гвиана). Его старший сын Александр родился тоже здесь, на Мартинике, в 1760 году, за три года до появления на свет Розы. Семья Богарне дружила с семьей де ла Пажери, а младшая сестра Жозефа Гаспара стала даже любовницей генерала.

Когда она ему надоела, он быстренько от нее избавился, выдав замуж за знатного сьера (дворянина) Ренодена. Так тетка Розы по отцовской линии стала мадам Реноден. В 1746 году генерал с семьей уехал на постоянное жительство во Францию и увез с собой Александра.

Розе в то время было всего три годика, и она, вполне понятно, не сохранила никаких воспоминаний о человеке, который волею судьбы станет ее первым мужем.

Генерал процветал в Париже, и гостившей у него сообразительной любовнице пришла в голову отличная мысль – женить Александра, этого шалопая, на одной из дочерей Таше, чтобы через богатого родственника подправить

пошатнувшееся благополучие семьи ее старшего брата.

Она ловко провернула это дельце, уговорив маркиза женить своего сына на средней дочери де ла Пажери – Катрин Дезире, «самой красивой из трех». Сваха, конечно, чуть приврала – самой красивой из сестер была Роза, но тетка знала, что с таким браком ей будет труднее, так как мать Розы категорически не желала расставаться со своей старшей. Довольная сделкой о «неравном браке» богатого Александра с бесприданницей Катрин, она писала своему брату из Франции: «Все на мази. Уже Гименей разучивает свадебные гимны, скоро пышные гирлянды украсят божественный храм любви, облака пряного фимиама воскурятся над алтарями...»

В доме Розы дым коромыслом, все родственники сбились с ног, готовясь к торжественной брачной церемонии по доверенности и скорому отъезду новобрачной в Париж. Этот славный, долгожданный день все приближался, но, увы, его опередил другой, роковой. Неожиданно невеста заболела и скоропостижно скончалась.

Вся семья была безутешна. Золотая жар-птица, которую обедневшие Таше хотели схватить за крыло, неожиданно выпорхнула из рук. Не унывала лишь предприимчивая мадам Реноден. Погоревав немного для приличия, она напомнила брату о заключенном с маркизом де Богарне брачном контракте.

– Пусть берет вторую – Мари, Манетту, она помоложе, – согласился на вторую семейную жертву Жозеф Гаспар.

Он, правда, в горе запомнил, что его бутончику всего одиннадцать, а законом запрещено вступать в брак девушкам моложе шестнадцати лет. Будет ли этот вертопрах Александр ждать целых пять лет? Весьма сомнительно. У этого молодца уже 40 тысяч ренты, а будет еще 25 тысяч.

– Не упускай своего счастья, Жозеф, – нудила сестра. – Сватай Розочку. Где этому жениху найти такую красавицу?

24 июня 1778 года в письме к маркизу Жозеф предлагает ему выдать за Александра свою старшую дочь – Розу. «Ей, правда, скоро будет только пятнадцать, но она красива, хорошо сложена, у нее формы на зависть, и никто не дает ей меньше девятнадцати», – вдохновенно расхваливал свой товар Таше.

«Чего тут долго рассуждать, – отвечал ему в письме маркиз, – на какую укажете. Та, которая, по мнению мадам Реноден, больше подойдет Александру, ту и присылайте. Мне лично все равно». Так красотка Роза неожиданно-негаданно стала невестой.

– Проклятая гадалка! – в сердцах поносила пророчицу Роза, вспоминая ее вещие слова: «Первый ваш муж – уроженец Мартиники, он будет жить в Европе и носить саблю; та молодая особа, которую вы призваны заменить, долго не протянет...» Все пока точно сбывалось. Роза знала, что в декабре 1776 года, когда Александру исполнилось шестнадцать с половиной лет, он получил звание лейтенанта в Саарском пехотном полку и ему полагалось носить саблю. «Пока все идет хорошо, но не дай бог это пророчество исполнится до конца», – холодея от ужаса, думала Роза. «Он изведает с вами короткое счастье... трагически погибнет, оставив вас вдовой с двумя детьми на руках...»

Она гнала от себя черные мысли, чтобы они не омрачали предстоящую помолвку. «Нет, лучше не заглядывать в будущее, понапрасну не искушать судьбу», – печально размышляла она, направляясь в ту же маленькую деревянную церковь, в которой ее когда-то крестили. 25 апреля 1779 года там было сделано публичное оглашение о предстоящем важном в ее жизни событии – бракосочетании с лейтенантом Александром де Богарне.

В конце августа в сопровождении отца, его старшей сестры Розетты и служанки-мулатки Эвфемии Роза поднималась на борт «Амфитриона» («Радушный хозяин»). Но будет ли гостеприимным океан и чем закончится опасное путешествие, которое продлится более пятидесяти дней? Никто не мог за это поручиться.

Франция вновь начала войну с Англией, корабли которой господствовали на морях. Англичане даже захватили соседний с Мартиникой остров Сент-Лусия, а отец перед отъездом записался в ополчение конных драгун. Теплые крупные слезы капали на ее полную, высокую, не по годам сформировавшуюся грудь. С тяжелым сердцем под тугой трепет брезента парусов покидала она этот прекрасный остров, где появилась на свет.

«Вы изведаете с ним короткое счастье»

Лишь спустя восемь дней после благополучного прибытия корабля в Брест Александр получил в своем розовом особняке на улице Тевено депешу от нарочного, извещающую его о приезде его невесты с отцом. Он мигом бросился к свахе, мадам Реноден, и вместе они выехали в Брест первым же почтовым дилижансом.

Он впервые увидел ее лишь через неделю: она ухаживала за больным отцом в номере захудалой брестской гостиницы с давно немытыми, подслеповатыми окнами. При тусклом свете он ее толком не разглядел, но все же нашел ее «красивой, благовоспитанной, с элегантными, достойными Версаля манерами».

В общем, он не ошибся в этой достойной во всех отношениях шестнадцатилетней смуглянке.

На следующий день, правда, когда возбужденность пылкого жениха спала, он ее судит более трезво и строго. В своем письме к отцу, маркизу де Богарне, он отмечает:

«Мадемуазель де ла Пажери может показаться вам не такой красавицей, как вы ее, наверное, представляете, но, должен признаться, ее искренность, честность, кротость и ласковость, мягкий характер с лихвой восполняют этот единственный недостаток...»

Она, со своей стороны, тоже старалась собрать воедино свои впечатления о нем. Да, красив, да, элегантен, хорошо держится, белый мундир с серебряной отделкой отлично сидит на его стройной фигуре...

Молодой, красивый, живой офицер, Александр де Богарне, конечно, отнюдь не был девственником. Его военная служба начиналась здесь, в Бретани, в гарнизоне, стоявшем в Коке, всего в трех милях от Бреста. Там у него было несколько «амурных походов», которые не оставили в его жизни ничего, кроме зыбких, приятных воспоминаний. Там же он встретился с красивой замужней женщиной – Мари-Франсуазой де Лонгпрё, которая была старше его

на десять лет. Она стала его любовницей и даже родила ему сына. По странному, просто невероятному совпадению ее муж, Ле Вассер де ла Туш де Лонгпрё, оказался дальним родственником семьи Туше, и маленькая Роза в детстве даже называла его отца «своим дядей». Судьба продолжала свои каверзные игры. Но молодому любовнику, будущему первому мужу Розы, не удалось так легко отделаться от Мари-Франсуазы, которая вскоре овдовеет, поведет энергичную борьбу за Александра и сыграет зловещую роль в устранении своей соперницы, ставшей его законной женой, приблизив таким образом, сама того не желая, тот благословенный день, когда она, Жозефина, взойдет на французский престол.

Здесь, в Бресте, молодой повеса старался об этом не думать. Он ведь дал своей «приемной матери», мадам Реноден, которая столько возилась с ним, честное слово жениться на ее племяннице, и он, как офицер, просто обязан сдержать слово. О своих близких отношениях с мадам де Лонгпрё он, конечно, ничего не сказал Розе – для чего ее расстраивать в первые же дни, когда лишь начиналось их безоблачное супружеское счастье. Нет, все же он не настолько «честен и искренен», как его юная, невинная невеста...

В середине ноября Роза впервые в своей жизни въезжала в Париж, в Париж, в котором она станет королевой, как нынешняя Мария-Антуанетта, и в придачу еще и императрицей.

Было сыро и сумрачно, накрапывал дождик, и Роза, поживаясь от холода, вспоминала о том, что еще пару месяцев назад она наслаждалась жарким солнцем Мартиники. Там всегда над головой безоблачное голубое небо, все вокруг брызжет яркими красками.

В красивом, элегантно меблированном особняке маркиза де Богарне Роза, к великому своему удивлению, узнала, что ее красивый, такой предупредительный и любезный жених в преддверии свадьбы выхлопотал себе титул... виконта. Он, конечно, ей не лгал, лишь «экономил на правде», скрывая от нее, что просто присвоил этот титул, на который не имел никакого права. Роза была поражена такой радостной вестью. Не успела она приехать в Париж, а уже стала виконтессой!

Теперь ее муж виконт наверняка представит ее высшему парижскому свету и даже поведет в королевский Версаль, и она наконец наденет этот тяжелый, на проволочном каркасе криолин и элегантно, с отменной выучкой, сделает перед

королевой тройной реверанс.

Никто, конечно, не мог запретить этой девочке самообольщаться – вполне простительная слабость в ее возрасте. Она пока еще не знала, что капитан Саарского пехотного полка, ее виконт, как и все тщеславные молодые люди, любит набивать себе цену, выдавать желаемое за действительное.

Она, бедняжка, не ведала, что самозваного виконта при дворе никто и в грош не ставил. Он не мог пользоваться каретами из королевской каретной, ему не разрешалось сопровождать Людовика XVI на охоту, и его никогда не приглашали на официальные приемы во дворце.

Злые языки утверждали, что как раз из-за обиды на королевскую власть он с восторгом воспринял революцию, с радостью сменив «свой» титул виконта на звание «гражданина».

Правда, он слыл отчаянным танцором, и посему его иногда приглашали на многочисленные балы, которые так любила устраивать королева. Говорят, она даже один раз станцевала с капитаном, оставшись весьма довольной своим ловким партнером.

Александр, конечно, не мог привести свою молодую супругу в королевский дворец, но он выполнил свое обещание и ввел ее в парижский бомонд. Теперь они часто появлялись в модных салонах, и ее, островитянку, поражал, ослеплял этот головокружительный вихрь столичной жизни, полной самых приятных удовольствий и развлечений. Ей все нравилось в Париже. Благожелательные, простодушные, улыбчивые французы, новая для нее, прежде невиданная изысканная обстановка богатых домов, потемневшие от времени картины в тяжелых золоченых рамах, мраморные, с прожилками античные величественные статуи, золотые и серебряные безделушки, ошеломляюще дорогие наряды знатных дам, усыпанные драгоценными камнями и золотыми украшениями, подаваемые за замысловато сервированными столами заморские яства, выдержанные, пенящиеся в бокалах дорогие вина, занимательные, легкие, как само шампанское, светские беседы щеголей и острословов, передаваемые шепотом сплетни о сильных мира сего, о членах королевской семьи, дворцовых интригах. Все это завораживало, восхищало ее, не давало угаснуть ее богатому воображению.

Как ей хотелось уже сейчас, долго не дожидаясь, стать вровень с ними, а может, даже возвыситься над ними. У нее есть порука – незабываемые пророчества мартиникской гадалки.

Но ее сладкие, возвышенные грезы вдруг были резко, безжалостно развеяны собственным мужем.

Впервые он стал осыпать ее незаслуженными, как ей казалось, упреками. Она, мол, дикарка из тропических лесов, необразованная, невоспитанная девчонка, не умеющая вести себя в высшем обществе, и ей там, следовательно, не место. Как она осмелилась явиться в монастырь со своим уставом – постоянно следить за ним в салонах, не позволять удаляться с приглянувшейся ему дамой, нудно твердить при всех о своей большой к нему любви, устраивать отвратительные сцены ревности. В Париже все уже давным-давно забыли о супружеской верности, и напоминание о ней вызывает лишь снисходительную улыбку как у мужчин, так и у женщин. Ее ревность – нечто старомодное, годится для заморских департаментов, а не для Парижа.

Более того, до чего додумалась, просто умора! Пишет ему нравоучительные письма. Что за моветон! Что из того, что ее фразы литературно отточены, умело закруглены, а стиль легкий, прямо-таки воздушный? Чему-то же ее научили там, в пансионе, на Мартинике?

Роза сильно страдала от того, что ее муж считал ее деревенщиной. Она старалась, как могла, исправиться, наверстать то, что было упущено там, дома. Она стала много читать, подолгу беседовать с обратившими на нее внимание поэтами, писателями, учеными, впитывала, как губка, небрежно рассыпаемые ими на ходу знания, но муж как будто и не замечал ее стараний, ее желания стать послушной, а лишь постоянно недовольно ворчал, как старый брюзга, и рядился в тогу ее ментора, формирующего характер своего ученика.

Он даже приставил к ней в качестве мэтра своего друга Патриколя – любителя Вольтера и такого распутника, как он сам. И чем больше она ему покорялась, тем Александр все больше входил в свою роль перевоспитателя и становился вторым занудливым Патриколем. «Упорно следуя моему намерению, – свысока поучал он все больше впадающую в отчаяние супругу, – ты приобретешь знания, которые возвысят тебя над другими, и тогда, сочетая ученость высокую со скромностью, ты станешь самым совершенством среди женщин».

Роза, несомненно, понимала, что, подвергая ее жестокому остракизму, обидным издевательствам, он преследовал только одну цель – внутренне выговорить себе право на супружескую измену. От этой мысли ей становилось не по себе, и она заливалась слезами.

В январе 1781 года Александра из Бретани, из Бреста, перевели в Страсбург, и он снизошел до того, что позволил ей приехать туда к нему. В этом городе «прекрасная креолка» стала главной достопримечательностью местного аристократического общества. При ней виконт не позволял себе привычного пренебрежения, и Роза по наивности искренне считала, что здесь, в провинции, они наконец смогли обрести чуть было не ускользнувшее из рук семейное счастье.

Довольно скоро она убедилась, что ее присутствие тяготит любвеобильного супруга, все сильнее раздражает его. Она решила уехать, чтобы не доводить дела до печальной развязки. Несмотря на свои огорчения, она уезжала из Страсбурга в приподнятом настроении. Она знала, что внутри нее зародилась новая жизнь, и радовалась этому. Скоро она станет матерью, и тогда Александр, даст бог, образумится. Но грозовые облака все сгущались у нее над головой.

Александр продолжал заниматься своим любимым делом – покорять женские сердца, весело и беззаботно танцевал на балах, умножая свои победы. Он по-прежнему редко появлялся в мрачном особняке отца на улице Тевено, где в заточении изнывала его молодая супруга.

3 сентября 1781 года произошло событие, которое оторвало его на время от привычного вихря удовольствий. У Розы в этот день появился первенец, мальчик, будущий вице-король Италии. Она назвала его Эжен-Роз. Александру волей-неволей пришлось находиться у изголовья роженицы. Обрадованный рождением своего законного наследника, виконт, казалось, раскаялся в своих беспутных заблуждениях, и как образцовый муж и отец целых два месяца не отходил от счастливой Розы. Малоопытный притворщик, однако, долго не выдержал такого испытания супружеским спокойствием. Тяга к абсолютной, ничем не ограниченной свободе взяла верх. Он вновь стал порхать от одной смазливой мордашки к другой, как бабочка от одного красивого цветка к другому. Строгая мадам Реноден, чтобы положить конец его парижскому распутству у всех на глазах, выхлопотала ему назначение в действующую армию в Италию, где он тоже весело проводил время на карнавалах, обхаживая огненно страстных брюнеток. Он вернулся с Апеннин почти через год – 25 июля 1782 года. Эту дату

Роза никогда не забудет – она попортит ей немало крови.

Побыв с женой ровно столько, чтобы зачать второго ребенка, он вновь откликнулся на заманчивый призыв вольности и вновь надолго исчез из поля зрения. Дотошные биографы подсчитали, что за два года и девять месяцев супружеской жизни виконт де Богарне прожил со своей женой всего лишь год.

Недели через три Роза получила от него письмо, в котором он сообщал ей, что «уезжает искать воинской славы на родине, на Мартинике», которой угрожали англичане. «Я делаю это и ради тебя, – лицемерно заявлял он, – потому что к освободителю своей родины ты будешь испытывать гораздо более нежные чувства. Я не забуду своего отцовского долга перед детьми, смею тебя в этом заверить, но сейчас долг простого солдата, защитника отечества, куда важнее».

Эти насквозь фальшивые строчки не вызывали, разумеется, слез умиления у Розы, все было шито белыми нитками. Она, правда, терялась в догадках – для чего ее сладострастному супругу понадобилось ехать в такую даль ради праздных удовольствий и продажной любви. Может, захотелось экзотики, накаленной жарким мартиникским солнцем юной креольской плоти? Она и не предполагала, до какой низости может дойти беспечный виконт, который, отправляясь на Мартинику, преследовал свои личные, далеко не геройские цели.

Во-первых, он считал свой чин капитана довольно скромным, не отражающим в должной степени всех его воинских заслуг. А в мирное время получить повышение по службе – трудное дело, для этого нужна война, поле боя или хотя бы подобие сражения.

Во-вторых, он хотел лично убедиться в финансовом благополучии семьи де ла Пажери, выяснить, сколько денег у них на счетах, смогут ли они содержать свою дочь во Франции, если он с ней разведется.

И в-третьих, самое пикантное. Какой-то «доброжелатель» сообщил ему о «многочисленных любовных связях» его креолки на острове. Хотя, как ему показалось в первую брачную ночь, она была девственницей, но ведь на этом диком острове полно колдуний, знахарок, даже искусных отравительниц, которые за деньги сделают все что угодно. Трудно ли восстановить при их мастерстве такую мелочь, как девственная плева? Существуют сотни ухищрений, чтобы облапошить легковверного супруга.

Не знала Роза и о том, что он отправится в далекое и опасное морское путешествие через Атлантику не один, а в компании своей прежней давнишней любовницы Мари-Франсуазы де Лонгпрё, которая к этому времени уже овдовела и теперь собиралась на Мартинику, чтобы получить наследство своего тестя, месье ле Жирарду, скончавшегося в Фор-де-Франс. Это его маленькая Роза когда-то называла «своим дядюшкой».

Александр поехал к ней в Брест. Но фрегат, на котором они должны были отправиться на остров, целый месяц не мог поднять якорь, так как на рейде постоянно маячили английские боевые корабли. Александр не унывал и целый месяц не вылезал из постели своей любовницы, которая ввиду кончины супруга теперь весь свой любовный жар страстной тигрицы передавала ему, своему единственному партнеру.

Роза ему не писала, не зная, где в это время находится Александр, – на суше, в Бресте, или в открытом море? А тот, воспользовавшись этим, разыгрывал несвойственную ему роль ревнивого супруга, вероятно уже подготавливая почву для грядущего развода.

«Вам, видно, очень трудно радовать меня своими письмами, – картинно возмущался он. – Извините, но ваше поведение приводит меня в бешенство...»

18 ноября Александр с мадам де Лонгпрё вступил на палубу фрегата «Венера». Но не все складывалось гладко. Целый месяц им пришлось в ожидании попутного ветра простоять возле берегов Испании, у острова Экс страны басков.

Только 21 декабря «Венера» смогла наконец выйти в открытый океан и долго, около четырех недель, кружными маршрутами добиралась до Мартиники. Когда 21 января 1873 года «Венера» бросила якорь в гавани Фор-де-Франс, дышащий отвагой капитан, к своему великому изумлению, узнал, что накануне между англичанами и французами было заключено перемирие, так что столь желанная ратная слава, которой Александр жаждал покрыть себя, нагло ускользала от него.

– Ладно, черт с ней, со славой, – выругался в сердцах разочарованный Александр. – Ей от меня никуда не уйти. Схвачу ее за хвост в другом месте. Ну а коли так, прежде разберемся с этой шлюхой!

Прямо из порта он поехал в Труаз-Илё, в имение де ла Пажери, на разведку. Он был поражен не только весьма скромными размерами сахарной плантации, принадлежащей семье Розы, но еще и тем, что ее главе теперь приходилось самому, своими руками, заниматься обработкой тростника и гнать из него сахарную патоку. Полуразрушенное в 1766 году сильным ураганом поместье так и не было восстановлено. Повсюду бедность, нищета, разруха. О каких крупных счетах в банках можно в таком случае говорить? Он нашел время, чтобы познакомиться с матерью Розы, мадам Таше, с ее красивой младшей сестрой Манеттой, которую уже незримо поджидала смерть. Он провел в гостях в этом мрачном, покосившемся доме всего полтора дня, после чего уехал в столицу развлекаться с молодыми мулатками, не забывая и о постели своей старой и опытной любовницы.

В Фор-де-Франс он не нашел письма от Розы.

– За все время моего отсутствия ни одного письма от жены. Где это видано? – возмущался он. Подозрения в супружеской измене вспыхнули с новой силой.

12 апреля он написал ей взволнованное письмо:

«Насколько помнится, моя дорогая подружка, вы мне как-то откровенно сказали, что в случае вашей неверности я узнаю о сем прискорбном факте из ваших писем. Я уже три месяца здесь, на Мартинике, сюда приходят корабли из разных стран, но от вас нет ни строчки...»

За два дня до этого, 10 апреля 1783 года, Роза родила второго ребенка, на этот раз девочку, будущую королеву Голландии и супругу брата Наполеона Луи. Ее называли Гортензией.

Тем временем ее ревнивец муж неумолимо проводил свое собственное расследование о любовных похождениях своей жены на острове. Отбросив стыд, наплевав на все приличия, он подолгу расспрашивал рабов, знавших Розу до ее отъезда во Францию; тем, кто отвечал расплывчато, неохотно, он предлагал деньги. Ее чернокожая служанка Брижжит напрочь отвергла все обвинения в распутстве своей бывшей юной хозяйки.

– Что вы, это была святая девочка, ее нельзя было ни в чем заподозрить! – отвечала она на все его расспросы.

Нашелся, однако, один негр по имени Максимен, который рассказал Александру, что у Розы на самом деле было несколько любовных приключений, и даже назвал имена нескольких морских офицеров, якобы побывавших у нее в постели. Обрадованному положительным результатом своего дознания виконту пришлось все же разочароваться.

Та же Брижжит сообщила ему, что этого негодного лживого раба подкупила несколькими золотыми... мадам Лонгпрё.

Возведенная в ранг нынешней из бывшей любовницы, вдова старалась вовсю, чтобы дискредитировать несчастную Розу, и, как видим, не чуралась подкупа – так ей хотелось поскорее сделать своим мужем Александра. Свой главный удар эта злодейка приберегла напоследок и нанесла его в точно рассчитанный момент.

Личное расследование Александра зашло в тупик. Списка любовников жены у него так и не оказалось. Нельзя же строить столь серьезные обвинения на песке – это понимал даже рассвирепевший от мнимых измен своей жены молодой виконт. Правда, ему и в голову не приходило сосчитать свои собственные измены, чтобы как-нибудь на досуге поразмышлять над своим далеко не безупречным поведением. Но на сей счет у него была своя твердая концепция:

– Моральные критерии, нравственность – такие понятия существуют только для жен, но не для мужей.

Теперь приходилось рассчитывать лишь на письма самой Розы с покаянием в содеянных грехах. А они как назло не приходили.

В начале июня 1783 года на Мартинику приехал месье Перро, бывший лакей отца Розы в Париже. Александр, узнав об этом, помчался сломя голову к мулату. Тот лишь печально покачал головой:

– Нет, мессир, от мадам де Богарне нет никакой весточки – вот лишь письмецо от ее камеристки, мадемуазель Филипп.

Александр нетерпеливо выхватил из рук слуги голубой конвертик, быстро его разорвал, судорожно развернул крохотную записочку: «Передайте господину, что мои дамы постоянно заняты, – у нас столько забот в связи с балами и зваными обедами, что нет свободной минутки, чтобы написать».

– Какая тварь! – громко выругался Александр, возмущенный до глубины души. – Я тут подышаю от скуки среди дикарей, а она там развлекается на званых обедах и пляшет на светских балах. Ну, погоди!

Этого желанного момента долго ждала мадам де Лонгпре. Развязка наступила 8 июля 1783 года.

...О рождении дочери Александр Богарне узнал, конечно, не от Розы – та продолжала молчать как рыба, – а из других источников.

В салоне мадемуазель Юро в Фор-де-Франс гости дружно поздравляли отца, который пыжился, выкатив грудь колесом. И тут мадам де Лонгпрё выпустила свое жало.

– Эта девочка не ваша, мой друг, – громко, чтобы все слышали, сказала она. – Она появилась на свет раньше срока на двенадцать дней, бывает, конечно, что роды наступают позже... Но раньше... вряд ли...

Пораженный этой вестью новоиспеченный отец стал мысленно лихорадочно подсчитывать дни. Из Италии он вернулся 25 июля 1782 года, Гортензия родилась 10 апреля 1783 года. Да, все точно, – восемь месяцев и шестнадцать дней. Выходит, Роза до его возвращения побывала в объятиях какого-то ловеласа, утешавшего ее в разлуке с ним, Александром, ее законным мужем. Выходит, она наставила ему рога и ребенок не его.

Ослепленный абсолютно беспочвенной ревностью, разъяренный капитан 8 июля написал Розе грозное письмо, ставшее прологом их скорого расставания:

«Если бы я взялся за перо в ту минуту, когда меня охватил дикий приступ гнева из-за вашей неверности, боюсь, раскаленное перо сожгло бы листок бумаги, – рьяно начал он, не забывая об элегантности стиля. – Сдерживая себя насколько возможно, я тем не менее заявляю вам на основании того, что я разузнал о вашем чудовищном постыдном поведении на острове, что вы – самая порочная,

самая бессовестная и самая извращенная тварь на свете. Вы еще имели при этом наглость родить второго ребенка без моего участия в этом процессе. Какой же младенец рождается спустя восемь с небольшим месяцев после зачатия? Нет, в жилах этой несчастной девочки течет кровь чужака, вашего гнусного любовника...

Больше я не желаю жить с вами под одной крышей, и соблаговолите по получению этого моего письма немедленно отправиться в монастырь. Это – мое последнее слово. Ничто, никакая дьявольская сила на земле не заставит меня вернуться к вам!»

Можно только догадываться о реакции Розы на такое оскорбительное для нее послание. Была ли она на самом деле в чем-то виновата, заслужила ли поток грубых упреков и обвинений со стороны мужа?

Или же там, на острове, будучи неопытной девчонкой, она и совершила мелкие, необдуманные поступки, раздутые впоследствии хитроумной мадам де Лонгпрё до поражающих воображение сцен распутства на древнеримский манер?

Если обо всем судить с высоты далекого будущего, когда она станет императрицей и когда о ее многочисленных любовных связях будут ходить легенды, то, вероятно, что-то могло на самом деле произойти, – дыма без огня не бывает. Но это, скорее всего, был дым от тлеющих угольков, а не от полыхающего пожара.

Как бы там ни было, Роза после возвращения в Париж в октябре предпринимала через своих друзей из высшего света попытки примирения, но высокомерный Александр холодно их отверг, отрезав себе пути к отступлению. Покоритель женских сердец и мастер задирать юбки смазливой девушкам не желал больше утрачивать вновь обретенной свободы.

Нужно сказать, что коварство и злоба интриганки мадам де Лонгпрё не принесли ей желанных плодов. Понимая, что ей, быстро стареющей любовнице, не удержать возле себя молодого Александра, она решила сама его бросить и вернулась во Францию в объятиях графа Лийона, за которого она вскоре выйдет замуж.

Огорченная Роза, не видя другого выхода, отдала своего сына Эжена на попечение мулатки Эвфемии, а Гортензию пристроила в пансион для девочек в Нуази. 27 ноября 1783 года она в сопровождении мадам Реноден удалилась в монастырь бенедиктинок (цистерцианок) в аббатстве Пантемон, где провела целых два года.

В те времена во Франции расторжение брака было делом неслыханным, такого института просто не существовало. Брачный союз, осененный Всевышним, Церковью, считался святым и нерасторжимым. Для тех, кто страстно желал снять с себя ненавистные оковы, существовал только один юридический способ – так называемое «раздельное проживание» по постановлению парламента.

11 декабря Роза подала прошение в парламент. Началась обычная, почти двухлетняя парламентско-судебная волокита, которая все же завершилась победой истицы. В конце концов было вынесено постановление о «раздельном проживании» супругов, парламентский суд к тому же заставил виконта принести своей бывшей жене извинения за нанесенные ей оскорбления из-за его подозрений в ее супружеской неверности. Струсив перед властями, он лицемерно признал, что «заблуждался на этот счет и сожалеет о своем обвинительном письме от 8 июля 1783 года». Он признал Гортензию своей родной дочерью.

В феврале 1784 года главный судья Парижа вынес решение по этому делу, заставив Александра де Богарне выплачивать ежегодно по 6000 луидоров на содержание детей и его бывшей жены, не имевшей никакого дохода.

Роза не верила собственному счастью. Ей всего двадцать один год, и вот она обрела полную свободу, да еще столько денег в придачу. Теперь она могла жить там, где хотела, заниматься тем, чем хотела, и говорить все, что ей заблагорассудится.

– Свобода, свобода, свобода, – как замороженная шептала она.

Она не спешила расставаться с монастырским одеянием, тем более что ей там было очень хорошо, – никто ее там не притеснял, и она в любое время могла выходить за стены обители. Лишь в сентябре 1785 года она решилась наконец покинуть аббатство, сохранив все же за собой на всякий случай скромную келью, за которую ей приходилось выкладывать по 300 луидоров, и последовала за

маркизом де Богарне и своей теткой мадам Реноден, которые по соображениям экономии (так как ушлый Александр оттяпал у отца с любовницей почти все движимое имущество) продали свой особняк в Нуази и переехали из Парижа в предместье, где купили небольшой уютный домик с двориком и садом на улице Монморен.

Теперь Роза стала вольной птицей, но ее будущее было укутано завесой густого тумана, ничего не разглядеть...

...В том же сентябре 1785 года, когда Роза собиралась переехать на постоянное местожительство в Фонтенбло, в военном училище в Париже состоялся очередной выпуск воспитанников. Один из них, обучавшийся за казенный счет, на средства, пожалованные королем Людовиком XVI, невзрачный, маленького роста, чуть смугловатый корсиканец, после успешной сдачи экзаменов нацепил на мундир погоны лейтенанта артиллерии. Ему было шестнадцать лет, и его звали Наполеон Буонапарте. По распределению он получил назначение в полк Ла-Фер, расквартированный на юге, в Балансе, на берегу тихой Роны. В начале октября расхлябанный дилижанс, в котором он следовал до Лиона, сделал остановку на постоялом дворе в Фонтенбло. Наполеон там пообедал в придорожной гостинице. Здесь, где-то поблизости, вот уже две недели жила мадам де Богарне.

Так впервые по воле судеб их жизненные пути подошли очень близко. Но скрестятся они позже, под грохот артиллерийских залпов при подавлении Наполеоном в Париже роялистского мятежа.

...Фонтенбло – главный уголок Франции, знаменитый своим заповедным густым лесом, раскинувшим свои уголья на территории 10 000 гектаров. Его в середине XIII века облюбовал французский король Людовик VII Святой, где повелел срубить для себя скромный охотничий домик. Но истинным творцом Фонтенбло, ставшего летней резиденцией французских монархов, был Франциск I (1494–1547). Соперничавший всегда и во всем с Италией, он превратил этот маленький городок в центр французского Ренессанса. Он построил в нем роскошный дворец, разбил великолепный парк с просторной площадью, с фонтаном посередине. Здесь во дворце хранились собранные им в ходе многочисленных боевых походов выдающиеся произведения европейского искусства. Его сын Генрих II постоянно украшал Фонтенбло, и здесь состоялась свадьба его сына Франциска II с шотландской королевой Марией Стюарт. Немало внимания уделял королевскому загородному ансамблю и первый Бурбон на

французском троне – Генрих IV, придавший ему особый блеск.

Фонтенбло пришелся по вкусу и императору Наполеону I, который проводил здесь большую часть свободного времени. Здесь обрелся в заточении несговорчивый Папа Пий, здесь по настоянию Наполеона он подписал с ним конкордат (от которого потом, правда, отказался). Здесь 2 апреля 1814 года Наполеон в первый раз отрекся от престола. Здесь 26 апреля он со слезами на глазах прощался перед отъездом в ссылку на остров Эльба со своей преданной гвардией.

...Осенью королевский двор обычно на несколько дней выезжал в Фонтенбло, где проходили шумные выезды на охоту на кабанов и на лося. Роза часто видела на узких улочках города скопление золоченых королевских экипажей, гарцевавших на холеных лошадях высокомерных придворных в дорогих охотничьих костюмах и шляпах с перьями, с узорчатыми ружьями поперек седла, и вот однажды ей пришла в голову идея: почему бы и ей не поохотиться с парижской знатью? Как-никак, она все же виконтесса, а один из ее предков, Армин де Таше, принимал участие в Крестовом походе в Палестину с Людовиком XII Святым в 1248 году, да и свекор у нее – маркиз. Она была неплохой наездницей, и в грязь лицом перед этими напыщенными вельможами, конечно, не ударит.

Там в лесу в погоне за затравленным зверем можно поближе познакомиться с кем-нибудь из сильных мира сего, а это ей в неопределенном положении полувдовы было просто необходимо. В Париже она почти не бывала, так что на нужные, полезные знакомства можно было рассчитывать только здесь, в Фонтенбло.

Через маркиза ле Богарне ей удалось выхлопотать разрешение на участие в королевских охотах, и уже через несколько дней, получив нужную бумагу, она лихо скакала по лесам на взятом напрокат еще нестаром жеребце.

Смуглую, порывистую, смелую амазонку, конечно, не могли не заметить похотливые царедворцы. По свидетельству Андре Гавоти, биографа императрицы Жозефины, составившего подробный список всех мужчин, которые побывали в постели Розы, а потом и на императорском ее ложе, именно здесь, в Фонтенбло, завела она своих первых высокопоставленных любовников. Ее сексуальной свободе теперь ничто не мешало. Первым на ее прелести клюнул маркиз Монморанси, пожилой управляющий королевским замком. Его жена была

фрейлиной брата короля, графа д'Артуа (будущий король Франции Карл IX). У этого своего первого любовника она познакомилась со вторым – сорокадвухлетним графом де Креннэ, бригадным генералом, хранителем гардероба графа де Прованс, брата казнённого короля (будущий король Людовик XVIII). Его жена была фрейлиной невестки короля. Сблизилась Жозефина и с герцогом де Лоржем, пэром Франции.

Ее «третьим завоеванием» стал брат герцога де Куаньи, кавалер по прозвищу Мими, веселый, озорной молодой человек, насмешник и фат, и он больше всех нравился Розе. Он пользовался ее особой благосклонностью и позже, когда она уже стала женой первого консула. Она и тогда помнила о проведенных с ним божественных ночах, и благодаря ее заступничеству этот человек не был казнён за участие в заговоре против Наполеона. По ее настоянию ему выплачивали небольшую пенсию при новом режиме – даже после того, как он за свою мятежную деятельность был выслан за пределы Франции.

Мадам Бонапарт своей щедростью пыталась замолить грехи, совершенные мадам Богарне...

Таким образом, у нее было три постоянных «утешителя», целая армия претендентов на ее любовь, но в кармане, увы, пусто. Ей становилось все труднее жить, содержать двоих детишек, хотя Александр, нужно отдать ему должное, хоть и с опозданием, но платил ей алименты. Приходилось утешаться поговоркой «бедность не порок». Ввиду того что никаких доходов в ближайшем будущем не предвиделось, Роза все чаще стала подумывать о возвращении на родину, на Мартинику. Там ей будет куда легче в кругу семьи, там жизнь дешевле, спокойнее, приятнее, без излишних тревожностей. А в Париже да и здесь, в Фонтенбло, становилось все тревожнее. Голодные люди требовали хлеба, работы, на улицах города то и дело происходили стычки черни со стражами порядка, с армейскими частями. Начинали вызревать первые, брошенные на благодатную почву мятежа семена грядущей кровавой революции.

Наконец решение было принято. Всё, она едет. 2 июля 1788 года она со своей пятилетней дочуркой Гортензией поднялась на корабль «Султан» в Гавре. Причем с самого начала их корабль чуть не потерпел крушение. И где? В устье Сены!

Берега находившейся в тревожном ожидании страны скрылись за кормой. До кровавых событий Великой французской революции оставался год и двенадцать дней...

...Вновь началась прежняя, такая привычная, лениво-тягучая жизнь в родных местах возле трех островков. Все шло размеренно, без спешки, по давно заведенному неторопливому распорядку – утренняя чашка кофе в постели, легкий завтрак с обилием тропических фруктов, сытный обед, долгие сиесты в раскачивающемся гамаке, купания в теплом море, вылазки на острова. Маленькой Гортензии там очень нравилось, она была на седьмом небе от счастья.

Роза довольно часто, чтобы не умереть с тоски, ездила в столицу – Фор-де-Франс, где веселилась и танцевала до упаду на балах с морскими офицерами, и даже в одном из писем просила мадам Реноден прислать ей с оказией «ее бальное платье с глубоким декольте и дюжину вееров».

От своих знакомых моряков она узнала, что ее муж, виконт де Богарне, после созыва Генеральных штатов выставил свою кандидатуру от дворянского сословия в Блуа, чтобы стать одним из двух депутатов от этого города. Она ужаснулась. Неужели ее Александр – сторонник новых революционных идей? Нет, на него это не похоже. И он сам, и все его родственники всегда были заядлыми роялистами. Скорее всего, он, как опытная гончая, держал нос по ветру, чтобы первым оказаться в нужный час в нужном месте, где будут делить добычу. Обычный авантюрист, каким был всегда. Неужели начинается его возвышение? Неужели оправдаются слова Элиамы о том, что «королевство франков погрузится в пучину несчастий, и ваш муж трагически погибнет»?

Кстати, вдруг осенило ее, почему же она до сих пор не встретилась с этой колдуньей, мулаткой, напроорочествовавшей ей столько несчастий? Вот теперь она, считай, вдова с двумя детьми на руках!

– Где сейчас Элиама? – спросила она у какой-то негритянки.

Та в глубоком отчаянии закатила глаза.

– Разве вы ничего не знаете? – удивилась она. – Несчастливая матушка Давид сломала ногу, и ее принесли в хижину без сознания. Как все мы любим ее, как

уважаем! Знаете, в колонии не происходит ни одного события, которого она не предсказала бы заранее. Ничто не может избежать ее ясновидящей силы. Даже самые глубоко хранимые людские тайны она видит как на ладони. Никаких секретов для нее не существует. Вот она какая!

Повернувшись, Роза пошла по знакомой тропинке к убогой хижине колдуньи, стоявшей все там же – возле устья речонки Мышкин Ус.

Постояв в нерешительности перед дверью несколько мгновений, она толкнула ее, вошла. Гадалка на этот раз не сидела на грязной циновке, а лежала на большой деревянной кровати. Одна из ее тумб-ног была забинтована. С потолка свисала горящая лампадка. Элиама заметно постарела, кожа на лице во многих местах обвисла, глаза казались еще мутнее от царившего в хижине тревожного сумрака.

Колдунья смотрела в упор на непрошеную гостью и, видимо, ее не узнавала. Еще бы! Тогда перед ней стояла робкая пятнадцатилетняя девочка, а сейчас взрослая двадцатипятилетняя женщина, мать двоих детей. Роза назвалась. Ее имя, казалось, не произвело на сивиллу абсолютно никакого впечатления.

С безразличным видом она продолжала ее разглядывать.

– Если помните, – начала, чуть смутившись, Роза, – вы мне напророчествовали, что я стану больше чем королевой, но пока на мою голову сыплются одни несчастья.

– Терпение, милочка, терпение, – наконец прохрипела колдунья. – Все будет так, как я сказала.

Она вдруг впала в забытие и начала бормотать что-то несвязное, и из произносимых ею отрывочных фраз Роза, к своему леденящему ужасу, поняла примерно следующее: «твой муж возвысится в силу своих заслуг и дарований, но его враги однажды попытаются лишить его жизни, и в конце концов ему отрубят голову острым мечом».

Роза попыталась было задать ей еще несколько вопросов, но Элиама упрямо качала головой, отказываясь ей отвечать. Только повторяла иногда, словно очнувшись:

– Уезжай отсюда скорее, если хочешь остаться в живых, уезжай! Очень скоро наши жестокие и коварные враги придут сюда и все порушат огнем и мечом. Они ждут лишь твоего отъезда.

Вся дрожа от страха, Роза выбежала из хижины. А что, если сбудется и это ее зловещее предсказание? «Что будет со мной, с маленькой Гортензией? – спрашивала она себя. – Нет, лучше не искушать судьбу».

Через несколько дней после встречи с мулаткой Роза начала собираться в обратный путь – на континент.

...Грозные раскаты французской революции докатились и до Мартиники, правда, с большим опозданием. Тут тоже началась пока еще бескровная вакханалия, точно такая, как на первых порах в обезумевшем революционном Париже. Идеи революции о равенстве и братстве возбуждали угнетенных негров и мулатов, и те все настойчивей стали требовать равенства с белыми. В своем освободительном угаре они часто преступали границы дозволенного. На Мартинике была создана своя Национальная ассамблея, повсюду возникали комитеты, подкомитеты, избирались депутаты, уполномоченные, комиссары. Эти резкие политические перемены будоражили чернокожих, звали их к еще более решительным действиям. «К оружию, граждане!» – этот парижский лозунг уже повсюду гремел над островом.

В феврале 1790 года восставший народ разграбил казармы Мартиникского полка, повернул на город пушки укрепленного форта, грозя открыть огонь в любой момент.

Наступил сентябрь. Восставшие все бесновались, никак не могли успокоиться. Им не терпелось пролить кровь белых господ. Роза понимала, что больше ждать чего-то на острове небезопасно, и по совету своего дядюшки, начальника порта, захватив с собой Гортензию и Эвфемию, укрылась с ними в трюме фрегата «Разумный». Несколько других французских кораблей готовились к отплытию к берегам Франции. Повстанцы решили их не пускать и без предупреждения открыли по ним огонь из пушек. Но корабли были уже далеко, на рейде, вне пределов досягаемости снарядов, выпущенных неопытными артиллеристами.

Подождав еще сутки, чтобы удостовериться, как будут развиваться события, корабли стали поднимать якоря. К «Разумному» подтянулись еще два корабля –

«Просвещенный», «Ла Левретт» и корвет «Эпервье». Маленькая французская эскадра с будущей императрицей на борту на всех парусах понеслась к Бермудским островам, а оттуда с помощью Всевышнего и попутного ветра – прямым ходом во Францию.

Когда они благополучно прибыли 29 октября 1790 года в Тулон, Роза, к своему удивлению, узнала, что гадалка снова оказалась права.

Александр де Богарне стал знаменитой в стране личностью. Он был не только влиятельным членом Национальной ассамблеи, но и одним из самых активных якобинцев. Все его внимательно слушали, а он, войдя в раж и почти не покидая трибуны, распинался перед депутатами обо всем на свете – о легитимности королевской власти, о правах народа, о положении ненавистных ему евреев, о конце монашеской жизни, о строительстве дорог и наведении мостов. В общем, не было такой темы, о которой он не рассуждал бы с видом знатока.

– Боже, какого эрудита я потеряла, – с наигранной горечью усмехнулась Роза.

Глава III

Дорога на эшафот

Ее честолюбивый первый муж, псевдовиконт де Богарне, упрямо карабкался по крутой политической лестнице вверх, к власти, в запале азартного игрока не отдавая себе отчета, насколько опасен этот путь, какими непредсказуемыми поворотами он изобилует. Многих корыстолюбцев он привел на эшафот, и Александр не стал исключением.

Летом 1791 года он стал председателем Учредительного собрания, по сути, вторым человеком в государстве после короля.

Вдруг по странному капризу судьбы он на целую неделю вошел в историю Франции, так как фактически правил страной, когда перепуганный насмерть народными выступлениями Людовик XVI, этот жирный каплун, этот пленник революции, тайно бежал из Парижа со всей своей семьей в ночь на 21 июня 1792

года.

Все были в растерянности, никто не знал, что следует предпринять в такой экстраординарной ситуации, которая могла в любой момент взорваться бунтом черни. И тут в голову этого калифа на час пришла блестящая идея. Вместе с генералом Лафайетом он кинулся в Тюильри. Убедившись, что короля на самом деле проворонили, он как ни в чем не бывало не моргнув глазом отважно солгал депутатам собрания:

– Граждане депутаты! Сегодня ночью враги народа похитили нашего короля и членов семьи.

Один ловкий ход, и цепная волна народного гнева накатилась уже не на прогневшую насквозь королевскую власть, а на мифических «врагов народа».

22 июня Людовик XVI со своей королевой Марией-Антуанеттой и двумя детьми был арестован в приграничном городке Варен-ан-Аргон, всего в нескольких километрах от германской границы.

В субботу, 25 июня, толпа парижской черни бежала за каретой короля-узника и орала во все горло:

– Мы заставим пекаря и пекаренка печь для нас хлеб!

Александр с удовольствием мстил за годы своего унижения Версалем. Он, которому запрещалось даже ступить ногой в карету короля, теперь, почуввав свою власть над этим жалким правителем, выдвигал против него и королевы самые невероятные обвинения и допрашивал их перед депутатами с возмутительной наглостью зарвавшегося плебея.

Неожиданно перед особняком маркиза де Богарне в Фонтенбло на улице Франс, в котором жила «семья председателя ассамблеи», собралась улюлюкающая толпа. Откуда было знать этим дикарям, что у Александра официально уже нет ни жены, ни детей? Толпа требовала появления мадам Богарне с детьми.

Когда Роза с Эженом и Гортензией появились перед ними в раскрытом окне, все громко зааплодировали и истошными, громоподобными голосами заорали:

– Вот они, наши наследные принц и принцесса!

От этих криков у Розы закружилась голова. Выходит, она – королева, коли она мать этих детей? «Ты овдоеешь, а потом станешь больше чем королева!» – звучали у нее в ушах слова мулатки Элиамы. Она пока не вдова, Александр жив-здоров, витийствует на трибуне. Значит, у нее будет кто-то другой, кто даст ей корону. Но кто он, этот другой?

22 сентября 1791 года армии Австрии и Пруссии вторглись на территорию Франции. Страна вступала в долгую изматывающую двадцатипятилетнюю войну. Об объявлении войны с Австрией с трибуны ассамблеи 20 апреля 1792 года провозгласил первый муж мадам де Богарне, а завершится она сокрушительным поражением второго мужа – при Ватерлоо[1 - Ватерлоо – населенный пункт в Бельгии, возле Брюсселя, в период Ста дней там 16 июня 1815 года англо-голландские войска под командованием герцога А. Веллингтона и прусские войска под командованием фельдмаршала Г. Л. Блюхера разгромили армию Наполеона. (Примеч. авт.)] в 1815 году.

Александр понимал, что не к лицу ему, председателю ассамблеи, в такое трудное для республики время торчать на трибуне, поражая всех своей велеречивостью. Он, как и всякий добропорядочный республиканец, правда, с монархическим душком, вступил в армию, и там тоже, как и следовало ожидать, его взлет по служебной лестнице был стремительным и неудержимым.

Он хватал один чин за другим – подполковник, полковник, генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

В конце апреля 1792 года он прибыл в действующую армию на границе с Пруссией, в Валенсьенн. Там, в боевой обстановке, под пулями, гонора у него поубавилось. Одно дело – призывать к революционным, беспощадным действиям с трибуны, другое – действовать самому на передовой с ружьем в руках. Этот новоиспеченный полководец строго придерживался выработанной им же стратегической заповеди – держаться как можно дальше от поля боя и не ввязываться в драку. Александр, превратившись в армейского писца, строчил одно за другим бодрые донесения в Учредительное собрание, чтобы ни у кого там не возникло ни малейшего сомнения в его беспримерной храбрости и отваге: «Знайте же, моя судьба, как и ваша, неразрывно связана с успехами революции.

Несмотря на поражение, я остаюсь солдатом. Я остаюсь в строю и умру в строю, ибо не переживу порабощения родины».

10 августа 1792 года в результате народного восстания пала монархия. Людовик XVI, Мария-Антуанетта, их дети и близкие родственники были арестованы и отправлены в Тампль. Отчаянный республиканец Александр требовал, бия себя в грудь, казни «тирана». Его революционная непримиримость не осталась незамеченной кровавым Конвентом, пришедшим к власти в октябре 1792 года, и он осыпает его щедрыми милостями: 8 марта 1793 года Александр получает чин генерала, 11 мая становится командиром дивизии Верхнего Рейна, 21 мая он уже главнокомандующий Рейнской армией. И все это без единого выигранного им сражения. Несмотря на более чем скромные заслуги, ему даже предлагают пост военного министра, но он лицемерно от него отказывается. Нет, он не может сидеть в тихом кабинете в Париже, его место здесь, на передовой.

Пруссакки осадили Майнц. Хотя у Богарне 60 000 штыков, он ничего не предпринял, чтобы этого не допустить, и не очень спешил на выручку осажденным. В результате французы были вынуждены сдать город. Александр, конечно, понимал всю тяжесть своей ответственности за такое поражение и, решив упредить возможные карательные санкции против него, подал... в отставку. Но у него хватило наглости потребовать от якобинцев в Конвенте «отрубить головы предателям, сдавшим Майнц, и отправить их головы королю Пруссии». Он, правда, скромно умолчал, что самовольно, под предлогом «опасной болезни», покинул свой боевой пост и не вылезал из постели дочери военного комиссара в Страсбурге Риважа.

Александр был уверен, что все ему, народному трибуну, сойдет с рук, о нем скоро забудут, и из Страсбурга решил уехать, подальше от орудийной канонады – сначала в Ла-Ферт, а потом в Блезуа, где снял небольшой домик.

Но он напрасно самообольщался. Ищейки Конвента быстро разыскали беглого генерала. В январе 1794 года председатель Комитета общественной безопасности Вадье, этот дьявол революции во плоти, подписал ордер на арест бывшего главнокомандующего Рейнской армией «за позорную сдачу им города Майнца». Гражданин Сиражан, комиссар Комитета общественной безопасности, арестовал Александра. Сначала его отправили в тюрьму, которой стал Люксембургский дворец, а 14 марта перевели в другую, пострашнее, – Карм.

Там его ждала негаданная встреча с бывшей супругой...

Роза хорошо знала этого палача Вадье, знала, что его ничем нельзя разжалобить, тронуть его черствую преступную душу, но на всякий случай обратилась к нему с письмом о помиловании Александра: «Если бы он не был твердым республиканцем, то никогда не смог бы рассчитывать ни на мое уважение, ни на мою дружбу. Мои дети до революции ничем не отличались от детей санкюлотов, да и сама я горжусь тем, что являюсь монтаньяркой и санкюлоткой»[2 - Монтаньяры (фр. montagnards от montagne – «гора») – революционная демократическая группа депутатов в Конвенте, занимавшая верхние скамьи в зале заседаний. Санкюлоты (фр. sans culotte; букв.: «без коротких штанов») – так называли патриотов, революционеров периода Великой французской революции. Так когда-то называли в насмешку представителей городской бедноты, не носивших коротких штанов из дорогой ткани. (Примеч. авт.)].

Никакие женские ухищрения успеха просительнице не принесли. Кровожадный Вадье своего решения не отменил.

Роза, однако, не предполагала, что ей сейчас впору самой искать защиты, так как над ее красивой кудрявой головкой сгущались темные тучи. Какой-то ее «доброжелатель», – а таких в смутные времена хоть пруд пруди, – отправил в Комитет общественной безопасности, тому же злодею Вадье, анонимку, в которой предостерегал власти, призывал «опасаться бывшей виконтессы де Богарне, у которой полно знакомств в кабинетах самых важных министров».

Вскоре к ней в дом в Париже на улице Доминик нагрянули стражи порядка с обыском. Они поставили все вверх дном, но ничего «контрреволюционного» не нашли, кроме писем генерала де Богарне своей супруге, причем, как сказано в протоколе, «патриотического содержания».

Ищейки ушли ни с чем, и у Розы отлегло от сердца. Однако успокаиваться в гуще таких бурных событий было рано. На следующий день утром, 20 апреля, те же члены революционного комитета – граждане Лакомб и Жорж – явились к ней вновь с ордером на арест.

Поцеловав спящих детей – Гортензию и Эжена, поручив их заботам консьержки, мадемуазель де Лану и верной мулатке Эвфемии, мадам Богарне в сопровождении двух охранников пошла пешком навстречу судьбе по притихшему утреннему Парижу на улицу Вожирар, где находилась эта ужасная

тюрьма – Карм...

Карм – это сокращение от слова «кармелитки»[3 - Кармелиты – монашеский католический орден, основанный во второй половине XII в. в Палестине, на горе Кармель, во времена Крестовых походов. (Примеч. авт.)]. В этом старинном средневековом здании когда-то находился их монастырь. Здесь сестры когда-то отлично готовили мятную лимонную настойку и производили особые цинковые белила, которые использовались для покраски стен «под мрамор».

Теперь здесь не пахло мятой, а лишь запекшейся кровью, пятна которой сохранились на каменных стенах и плитах пола после массовых расправ сентября 1792 года.

Там холодно, грязно и сыро, стоит невыносимая вонь от большой общей параша, которую редко опорожняют. В темных коридорах скользят высохшие тени арестантов.

Первым, с кем там, в этой осклизлой мгле, столкнулась Роза, оказался ее муж Александр, который, остановившись перед ней, галантно ей поклонился и поцеловал руку.

Он и в тюрьме не оставлял своих любовных походов и без ума влюбился в соседку по камере своей бывшей жены Дельфину де Кюстин, феерическую блондинку с голубыми глазами сирены. Ее муж, несчастный Арман де Кюстин, погиб на эшафоте. Теперь она находила утешение в объятьях мужа Розы. Влюбленный Александр не отходил от своей избранницы ни на шаг, она ему казалась прекрасной даже в своем грязном тряпье. Он осыпал ее нежнейшими записками, говорил о своей пламенной любви к ней, мечтал отдать за нее всю свою кровь по капле. Когда Дельфина уже после гибели своего любовника-узника показала Розе его записки, та лишь недоуменно пожала плечами: «Таких трогательных признаний он мне никогда не делал...»

Во всех страшных тюрьмах Парижа, даже в разгар лютого террора, царила невиданная атмосфера поголовного насмешничества и самого разнузданного секса. Мрачную тишину то и дело нарушали приступы веселого смеха. Представители всех сословий – от прачек, зубных врачей, торговцев табаком и лимонадом до военачальников, вельмож, герцогов и герцогинь – перед призраком неминуемой гибели беспощадно высмеивали этих насыщающихся

кровью людской тиранов, потешались над «божественностью» Марата, над «святостью» Робеспьера, «неподкупностью и честностью» главного парижского судьи Фокье. Казалось, своим безразличием перед смертным приговором они хотели бросить в лицо этим палачам: «Можете расстреливать нас сколько душе угодно, но ваша жестокость не помешает нам веселиться и любить друг друга!»

Казалось, эти неподражаемые французы были готовы беззаботно отплясывать на кратере огнедышащего вулкана. Повсюду в тюрьме царил культ похоти. Во всех более или менее темных углах только ею и занимались. Сладострастные стоны, визги женщин, достигших апогея накаленной страсти, громкие, смачные поцелуи, ритмичный скрип сбитых на скорую руку деревянных кроватей смолкали на несколько секунд при приближении тюремщика, но тут же возобновлялись с прежней интенсивностью, как только его спина удалялась в проеме коридора на пару метров.

Тюремщики уважали право своих узников на любовь, может, последнюю в их жизни, и за определенную мзду выделяли любовникам отдельную камеру, где они закрывались на замок, и там затхлая тюрьма на пару часов превращалась для них в благоуханный, сказочный рай.

Там мадам Богарне встретила свою большую «тюремную» любовь – опального, овеванного славой генерала Луи Лазара Оша, которого ей представил Александр. Это будет ее первая большая любовь. Будет и еще одна – к смазливому капитану гусару Ипполиту Шарлю, и эти двое мужчин, по ее признанию, оставят в ее жизни куда более глубокий след, чем оба ее мужа.

Генерал Луи Лазар был на шесть лет ее младше, и тогда, страстно отдаваясь ему, она не знала, что ему оставалось жить всего три года. Это был отважный боевой генерал революции. Он быстро добился самых больших воинских почестей, одержал крупнейшую победу над союзниками при Дюнкерке и стал национальным героем Франции. Его соперник, генерал Шарль Пишегрю, который преподавал кадету Буонапарте военную науку в училище в Бриенне и который впоследствии примет участие в заговоре Кадудалья против императора Наполеона I, оклеветал из корыстных соображений Оша, которого революционный трибунал отправил в тюрьму Карм, где он ждал приговора и гильотины. Но Пишегрю так и не удалось достичь поставленной перед собой цели. За связь с роялистскими заговорщиками он был разжалован, сослан во Французскую Гвиану. Возвратившись из ссылки, он не оставил своей антинаполеоновской деятельности, за что в 1804 году вновь был арестован и

посажен в тюрьму, где в приступе отчаяния покончил с собой, повесившись на собственном галстуке.

Луи-Лазар Ош был человек большого роста, мускулистый, с открытым, искренним лицом. Неутомимый любовник, он очень нравился женщинам.

За несколько дней до своего заключения он женился на шестнадцатилетней девушке по имени Аделаида, которую называл «своим небесным ангелом». От нее его буквально силой оторвали через неделю после начала их медового месяца.

В тюрьме он встретил Розу, и она стала его утешительницей. Двадцать шесть дней они почти безотлучно провели в холодной камере. Любил генерал и поесть. «Ничего нет лучше, чем хороший, сытный обед, если ты голоден... Да здравствует республика!» – восклицал он, жадно поглощая заказанный на свои деньги обед Гаргантюа.

К обоюдному сожалению, их любовный тюремный роман прервали в самом разгаре, так как генерала перевели в другую тюрьму, еще более мрачную, – Консьержери.

Мадам де Богарне пришлось искать себе нового утешителя, и им стал знаменитый пивовар Сантер, толстый и круглый, как пивной бочонок. Этот балагур и весельчак бахвалился тем, что лично привел Людовика XVI на эшафот, и когда тот решил обратиться к собравшимся на его казнь парижанам с последней речью, отдал приказ барабанщикам бить дробь, чтобы заглушить его слова. Он поклонялся одному богу – кружке пива и проявлял свои боевые качества только в постели, а не на поле брани и, как говорят, находясь в Западной армии в Вандее, трусливо бежал при первой же стычке с шуанами.

Головы теперь слетали с плеч, как перезревшие груши на сильном ветру. Наступил термидор – 20 июля. Великий террор в стране достиг своего апогея.

Через пару дней в тюрьме появился пристав революционного трибунала. Он зачитал список 49 узников, которых переводили в Консьержери. Все сразу поняли: им вынесен смертный приговор. Оттуда, из этой страшной тюрьмы, мало кто выходил живым. Среди них оказался и генерал де Богарне. Направляясь к выходу, он передал своей последней любви, Дельфине де Кюстин, арабский

талисман, вправленный в кольцо, с которым он никогда не расставался, но который так и не принес ему счастья.

Через день, 23 июля (5 термидора) – революции некогда, гильотина не может зря простаивать, – Богарне спокойно взошел на эшафот. Он не сумел выжить в этой кровавой вакханалии, но смог умереть с честью. Проживи он еще четыре дня, и он оказался бы на свободе, а мадам Богарне никогда не стала бы императрицей Жозефиной.

Девятого произошел термидорианский переворот, положивший конец этому безумному террору. Вот что рассказывает об этих печальных событиях сама Жозефина в своих «Исторических секретных мемуарах императрицы», вышедших в свет уже после ее смерти, в 1820 году в Париже:

«Приход каждой новой зари возвещал нам о событиях, произошедших накануне. Утро проходило в мучительных раздумьях над нашей дальнейшей судьбой. В полдень мы наспех просматривали газеты, которые напоминали собой скорее архивы моргов. Там увидела я и имя своего казненного мужа. Я лишилась чувств, и меня с трудом привели в себя... “Ах, оставьте меня в покое, дайте мне умереть, – взмолилась я. – Только в могиле ждет меня успокоение, и мои несчастные дети погибнут, как погиб их отец в беспощадной борьбе добродетели с преступлением”».

На следующий день мне вручили обвинительное заключение. Все поплыло у меня перед глазами, и я не могла прочитать ни строчки. Все кругом молчали, и мне действовала на нервы эта зловещая тишина. Вскоре на эшафот повезут очередную группу заключенных вместе со мной. Громко выкрикивают мою фамилию. Меня под руки выводят графиня Орм и герцогиня Р. Ноги меня не слушаются. Бешено колотится сердце.

Агенты кровавой тирании молча уставились на меня. Один из них вдруг вытаращил на меня глаза, кажется, узнал меня. Это был отец моей молочной сестры Люсетты с Мартиники. Он незаметно вычеркнул мое имя из списка. Там было полно других имен, и на это никто не обратил внимания.

Осужденных увели, а те, кто остался, дрожа всем телом, начали горько причитать, со стоном оплакивать свою судьбу. Вдруг из ноющей толпы выбежала герцогиня К. (я имела неосторожность рассказать ей о том, что

нагадала мне мулатка Элиама с Мартиники) и громко закричала: “Ну чего вы вопите, чего головы повесили? Рано думать о смерти. Нам с вами нечего бояться, ибо здесь вместе с нами – будущая королева Франции... Ей предсказано, что она займет французский трон, а разве может такое великое предсказание исполниться здесь, в этой грязной и вонючей тюрьме? Нет, только в другом, достойном месте, в нормальной обстановке, на свободе. Ничего не бойтесь! Пока она с нами – нам ничего не угрожает!” Ее слова поразили всех, особенно тюремщиков, которые с вытянутыми лицами уставились на меня, держа в руках кастрюльки с нашим жиденьким обедом».

В тюрьме Карм мадам Богарне подружилась с красивой огненно-рыжей испанкой по имени Тереза Кабаррус, которая своими чарами и темпераментом свела с ума не одного мужчину.

Она никогда не унывала, и через два дня после казни Александра Богарне передала своему любовнику, депутату Тальену, одному из организаторов термидорианского переворота, записку, над которой потешались все парижские журналисты: «Только что из моей камеры вышел начальник тюрьмы. Он сообщил, что завтра я предстану перед Божьим судом, то есть взойду на эшафот. Но что в таком случае прикажете делать с моим сновидением? Сегодня ночью я видела во сне, что Робеспьера больше нет, а двери нашей тюрьмы распахнуты настежь. Из-за вашей беспримерной трусости скоро во Франции не останется ни одного отважного мужчины, способного превратить мой сон в явь».

А еще через несколько дней произошло обрадовавшее всех узников событие.

Через решетки окон они увидели на улице какую-то странную женщину в черном платье.

Она стала трясти юбкой, потом, подняв камень, завернула его в подол, потрясла. Потом начала скакать и прыгать, словно от великой радости. Остановившись, провела по горлу рукой, словно ножом или кинжалом, принялась хлопать в ладоши. «Что бы означал этот ребус?» – удивлялись женщины.

Наконец одна, наиболее сообразительная, догадалась:

– Посмотрите – она теребит платье (по-французски «robe» – роб), вложила в юбку камень (по-французски «pierre» – пьер). Сложим два слова и получаем – роб-

пьер. Робеспьер!

– Значит, что-то случилось с Робеспьером, – сразу догадались все остальные. – Ну а что? Может, нож гильотины погулял и по его горлу?

На самом деле Максимильен Робеспьер, этот кровавый палач революции, был казнен термидорианцами.

Через неделю, 4 августа, из тюрьмы выпустили испанку, которая, по-видимому, своим вещим сном сильно озадачила своего могущественного любовника-депутата. Ее в результате окрестили Нотр-Дам-Термидор (Наша Богородица Термидор), и она тут же из тюрьмы по просьбе Розы поехала домой к своей новой подруге, чтобы успокоить ее детей – Эжена и Гортензию.

11 термидора (6 августа) вечером в коридоре возле камеры Розы раздался громкий крик надсмотрщика: «Вдова Богарне, на выход! Вы свободны!» Все вокруг захлопали в ладоши. Наконец-то будущая королева Франции вернется к своим детям, любовнику и продолжит свой путь к трону.

От счастья мадам Богарне потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, то не знала, кого же ей благодарить за обретенную свободу. Оказывается, определенным стимулом термидорианского переворота 27–28 июля 1794 года, осуществленного депутатами Конвента Ж. Фуше, Ж. Тальеном и П. Баррасом, стали горькие упреки Терезы в письме к своему нерешительному любовнику; подобно пикадору на корриде, эта испанка раздражила быка, вызвала у него злость вместе с приливом мужества, и ее Жорж выступил в Конвенте против кровавых деяний «Неподкупного». Подоспевшие ему на помощь его верные друзья стащили Робеспьера с трибуны и, усадив в повозку, отправили на тот же эшафот, на который он беспощадно гнал сотни и сотни людей.

«Вот как порой плотская любовь темпераментной женщины может повлиять на ход истории», – в задумчивости размышляла будущая Жозефина. Кстати, и она вполне могла считать себя причастной к такому ходу событий. Ворота тюрьмы Карм вместе с Тальеном открывал восстановленный в звании дивизионного генерала Луи Лазар Ош, ставший в тюремной камере ее любовником. Вскоре он возьмет в штаб ее тринадцатилетнего сына Эжена. Так начнется военная

карьеру будущего вице-короля Италии.

Глава IV

Молодая вдова снова супруга

Обретя наконец долгожданную свободу, возбужденная Роза на крыльях любви летела к своему тюремному любовнику, боевому генералу Луи-Лазару Ошу, мужественное лицо которого стычка с неприятелем украсила благородными шрамами. Он сам, сгорая от желания, предусмотрительно снял уютную квартиру неподалеку от ее, Розы, дома. Своей юной жене – подростку Аделаиде – он писал в Лотарингию, что «скоро пешком дойдет до своей возлюбленной, как и подобает истинному республиканцу». Но сил у генерала, по-видимому, хватило только на то, чтобы дойти до любовного ложа Розы.

В том же письме к женушке он жаловался на свою грустную судьбу затворника: он, мол, не посещает никаких людных мест, не позволяет себе никаких зрелищ. Изнывая от страсти к мартиникской смуглянке, генерал, конечно, лукавил. Через несколько дней после выхода Розы из тюрьмы они весело отпраздновали ее освобождение в шумной компании у мадам Остен. Среди гостей был и второй ее тюремный утешитель, толстяк Сантер, который поочередно запирался в дальней комнате то с одной, то с другой дамой, не обращая никакого внимания на Розу.

Она о нем и думать давно перестала. Она впервые в жизни полюбила мужчину, полюбила пылко и страстно, так, как велело сердце необузданной островной дикарки, и теперь наивно связывала свою будущую жизнь с этим молодым генералом, с этим Лазаром. Библейского Лазаря оживил Христос, а Ош своей любовью воскресил ее, по сути дела, из мертвых. Она была готова отдать все на свете за брак с ним, прибегнуть ради этого к помощи своих высокопоставленных знакомых, чтобы добиться его развода.

Но Ош любил не столько Розу, сколько ее дивное тело, и с удовольствием проводил время с ней в постели. Он и не собирался связывать себя с ней супружескими узами, ибо, по его словам, «питал глубокое уважение к своей юной добродетельной женушке». Однажды он довольно цинично признался завязтому цинику Полю Баррасу: «Стоило, конечно, попасть в тюрьму, чтобы

познать такую роскошную женщину, как она. Но на свободе – это уже слишком!» Конечно, все это было на потребу такому развратному типу, как Баррас. В душе Ош на самом деле любил Розу (об этом свидетельствуют его нежные письма к ней). С ней он узнал, что такое неземная страсть, и их интимная связь длилась целых полтора года.

Через год Аделаида родит ему ребенка, и Роза поймет, что ее любимый генерал никогда ей принадлежать не будет. Когда его адъютант, богатырского телосложения эльзасец, доставил ей последнее, довольно холодное послание от генерала, решившегося на окончательный разрыв с ней, Роза сочла себя настолько оскорбленной, что прибегла к обычной мести слабой женщины. Она затащила могучего посланца в постель, где тот бесцеремонно, грубо ублажал ее своей безразличной любовью, словно жеребец, осеменяющий одну из своих кобылиц.

Генерала тем временем перевели в качестве главнокомандующего в Западную армию, с которой он усмирять мятежную Вандею. Он добился-таки своего, подавил мятеж, лично расстреляв двух последних вожаков шуанов. К сожалению, этот национальный герой Франции, первая настоящая любовь будущей императрицы Жозефины, не дожил года до тридцати лет. Он умер от скоротечной чахотки в 1797 году. Хотя ходили слухи, что генерала отравили то ли завистники из своих, то ли враги...

Роза наслаждалась полной свободой. Но какая свобода без денег? В первую же зиму после падения Робеспьера в стране царил страшный голод. В магазинах и лавках – шаром покати. Не было ничего – ни мяса, ни сахара, ни овощей, нечем было топить, не было дров. Становился дефицитом и хлеб. Хотя, конечно, трудно было назвать таким словом омерзительную темную липкую массу из бобов, каштанов и отрубей. Парижане толпами отправлялись в деревни в надежде там подкормиться. В Булонском лесу безжалостно рубили вековые деревья, но все равно парижане замерзали в своих холодных домах.

В довершение всех испытаний Сена впервые за многие годы вдруг вся покрылась толстым ледяным панцирем. Начались перебои с водоснабжением. Люди десятками умирали ежедневно от холода и голода,

Ну а какой лучший способ согреться, чтобы не окоченеть? Конечно, танцы. И обезумевший от несчастий Париж танцевал, танцевал весело, без оглядки, хотя все понимали, что, по существу, они танцуют на вулкане.

Подумать только – в столице за один год было организовано 540 светских балов! Веселилась на них, танцевала и Роза, хотя в животе было пусто. Выручали званые обеды, куда приглашенные приходили со своим хлебом. Бывшую виконтессу, узницу Карм, освобождали от такой подати.

Выйдя из тюрьмы, Роза, конечно, сразу возобновила свои прежние связи. Она часто бывала в салоне у Шуазелей, у Остенов, но чаще всего у своей теперь самой близкой подруги, бывшей сокамерницы, Терезы Кабаррус, которая сумела развести с женой своего любовника Тальена, сама развелась с первым мужем, маркизом де Фолтень, и стала... мадам Тальен. Любовь, которую этой темпераментной испанке удалось разжечь в душе Тальена, погасила, как встречный огонь гасит лесной пожар, террор Робеспьера. Разница в возрасте – целых десять лет – не мешала дружить этим двум молодым женщинам – дочери кастильского банкира и креолке-аристократке.

Тереза ввела Розу в высший свет, познакомила с теми представителями новой власти, которые сыграют такую важную роль в ее жизни, и прежде всего с Полем Баррасом, который будет иметь полное право заявить в своих «Мемуарах»: «Этого корсиканского офицера Наполеон сделал я...»

В озябшем Париже не только танцуют. Все поголовно увлекаются гаданиями, предсказаниями и пророчествами. Всегда в этом люди находят утешение в смутные, беспросветные времена.

Роза, как и все креолки, была, конечно, суеверна и, несомненно, вот уже семнадцать лет (ей сейчас тридцать два) находилась под неизбывным гнетом прорицательства Элиамы. Первая его часть уже в точности исполнилась. Первый ее муж, достигший вершин власти, отправился с эшафота в небытие. Что же ждет ее дальше?

В компании никогда не унывающей «депутатши» Терезы и дочери знаменитого трагика Франсуа Тальма, Жюли, Роза отправилась к знаменитой на всю Европу гадалке, принимавшей своих клиентов не в тусклой хижине, а в роскошном двухэтажном особняке на улице Турнон, 5.

Всемирно известная гадалка Мария Аделаида Ленорман родилась в провинции в семье скромного обивщика. Когда ей исполнилось шестнадцать, она приехала искать счастья в Париж, где поступила работать в шляпную мастерскую. Очень

скоро у нее стала проявляться склонность к прорицательству, и она, сделав несколько удачных предсказаний, поняла, что это дело может приносить весьма солидный доход. Несколько лет удачной практики принесли ей желанную славу и деньги.

Она переехала из своей скромной квартирки в большой особняк в центре Парижа, где поставила свой притягательный для многих бизнес на широкую ногу. К ней зачастили богатые люди, дельцы, банкиры, которым были необходимы ее советы, склонные к мистике поэты и писатели, среди них, между прочим, и мадам де Сталь, видные политические деятели и даже руководители страны. Говорят, она предсказала Робеспьеру и Сен-Жюсту, что они закончат свою жизнь на гильотине. Те молча ушли от нее, сильно подавленные, но никаких санкций против отважной гадалки принято не было.

...Роза с тревожно бьющимся сердцем подходила к опасному для нее особняку. В ту минуту она и не подозревала, что у этой гадалки много лет назад побывал тот человек, который сделает ее королевой...

Как-то на улицу Турнон, куда только что перебралась удачливая гадалка, заглянул молодой, смуглый, низкорослый офицерик-артиллерист, которому тоже захотелось узнать, что ждет его впереди. Они с товарищем терпеливо дожидались своей очереди среди многочисленных клиентов, пожелавших узнать, «светит» ли им в жизни фортуна. Вдруг дверь кабинета распахнулась, оттуда вышла полнеющая гадалка и молча уставилась на офицера. От ее пристального, сверлящего взгляда тому стало не по себе, он даже поежился. Она в полной тишине долго изучала его лицо. Вдруг громовым голосом воскликнула: «Что это вы сидите? Ну-ка встаньте! Перед вами – будущий император Франции!»

Все клиенты, удивленные таким смелым предсказанием, послушно встали перед каким-то замухрышкой – офицериком в стоптанных сапогах. Ошарашенный ее словами Наполеон тоже поднялся. Он, конечно, не придал большого значения «этой блажи колдуньи». Но когда он на самом деле стал императором, то вспомнил ее пророчество и отвалил ей за него целый миллион франков.

Снова пути Наполеона и Жозефины так же, как и тогда в Фонтенбло, очень близко подошли друг к другу, и до их пересечения оставалось совсем немного, всего несколько месяцев...

Роза, став потом и Жозефиной, часто навещала гадалку, завела с ней дружбу, а будучи императрицей, приглашала к себе во дворец. Ее визиты не нравились императору – коронованная императрица явшается с какой-то гадалкой, прислушивается к ее предсказаниям, советам. Какая все же она суеверная дикарка, черт бы ее побрал!

Но Жозефина, не обращая внимания на окрики мужа, настолько сблизилась с Ленорман, что стала даже ей диктовать свои «Исторические секретные мемуары», которые та старательно записывала на бумаге.

Она постоянно твердила Жозефине, что Наполеон не станет с ней жить, непременно разведется и что его давнишние угрозы – это не шутка и не реакция на ее проступки. Он, мол, давно все замыслил, давно подыскивает себе принцессу королевских кровей. Узнав о том, что его тайные, тщательно оберегаемые намерения породниться с королевским домом Европы стали через эту проклятую бабу известны Жозефине, Наполеон рассвирепел. Вызвав к себе гадалку, неблагодарный ее клиент велел ей убираться к черту на рога, покинуть Париж и пределы Франции в двадцать четыре часа. Она не посмела ослушаться воли императора и уехала в Бельгию, где прожила около десяти лет, до реставрации монархии во Франции. Там она продолжала заниматься своим любимым делом, богатели и к тому же занялась литературным трудом. Ленорман написала несколько книг, в том числе «Оракулы Сивиллы». Она там закончила «Мемуары» Жозефины, обработала их, и они вышли в 1820 году с посвящением русскому самодержцу Александру I. Гадалка подарила ему авторский экземпляр, а весьма польщенный такой честью Александр передал ей через своего посла в Париже перстень с большим сапфиром на память. Говорят, сам император не раз после взятия союзниками Парижа посещал гадалку и произвел на нее благоприятное впечатление.

Узнав о ее феноменальных способностях, к ней в особняк приходили многие русские. Среди них был и двадцатилетний поручик Сергей Муравьев-Апостол. Ленорман начала ему гадать на особых картах – таро, но не прошло и пяти минут, как, страшно побледнев, она бросила карты на стол.

– Нет, я не стану вам гадать, простите, – тихо сказала она. – Передо мной маячит петля, она мешает мне сосредоточиться.

Пораженный ее словами, сникший офицер печально побрел вон из ее дома.

Через одиннадцать лет, 13 июля 1826 года, один из организаторов восстания декабристов подполковник Сергей Иванович Муравьев-Апостол болтался в петле вместе со своими четырьмя товарищами.

Ленорман утверждала всегда, что доживет до ста лет, но, увы, ошиблась в своем предсказании на целых двадцать девять. Этот факт лишний раз подтверждает истину, что пророк никогда не должен предсказывать собственную судьбу...

Когда Роза с подружками вошла в салон, подручная гадалки протянула им перечень способов предсказаний вместе с прейскурантом, с указанием суммы за каждую услугу. Таких оказалось тринадцать: «Обследование трупа, вызывание теней умерших, появление призраков, отражение поверхности воды в тазу в зеркале, пепел, разносимый северным ветром, пламя свечей, веточки лавра, вербена, белок яйца, ногти, огонь, птицы, специально откормленные отборным зерном, петух, вытаскивающий клювом вырезанные из картона буквы алфавита».

Роза не знала, на чем же ей остановить выбор. Она не успела этого сделать, так как гадалка поманила ее в свой кабинет кривым, похожим на колючку пальцем.

Неизвестно, что ей нагадала за дверью Ленорман, подтвердила ли магический прогноз Элиамы с Мартиники, но после того, как Роза рассказала ей обо всем, пожаловалась на свою несчастную судьбу, та без всяких обиняков откровенно посоветовала ей:

– Почему бы вам, милочка, не стать содержанкой какого-нибудь богача? Вы женщина видная, красавица, охотников найдется немало.

Роза в удивлении вытаращила на нее глаза.

– Да что вы, милочка, брыкаетесь. Сейчас такая жизнь, хуже собачьей, ничего позорного в такой связи нет, смею вас заверить. Сколько аристократов мечтают о близости с вами, только свистните!

Роза задумалась. Что оставалось ей делать, вдове без гроша в кармане, с двумя малолетними детьми на руках? Ничего. Лишь последовать совету мудрой гадалки.

Первой ее жертвой стал маркиз де Коленкур, красивый пятидесятилетний мужчина, на которого заглядывались все придворные красавицы. Его старший сын Луи, как и отец, будет верой и правдой служить Наполеону, который назначит его своим послом в Санкт-Петербург (1807–1811), а в период возвращения его с Эльбы, так называемых Ста дней, он даже займет кресло министра иностранных дел. Маркиз, бывший генерал Людовика XVI, во время революции не эмигрировал, остался в стране, и его не тронули. Он был одним из немногих аристократов, которые перешли на сторону Наполеона. Он стал мужем графини д'Артуа. Более того, новые власти выплатили ему пенсию за три года, большая часть которой осела в карманах Розы, в которую Коленкур на самом деле влюбился без памяти. Седина в голову – бес в ребро! Он даже намеревался развестись со своей супругой из-за «божественной креолки», но она не приняла такой жертвы от пожилого любовника. Слишком мелкая для нее птица.

В конце сентября Роза, понимая, что теперь ей предстоит беспокойная жизнь куртизанки, сняла для себя уютную недорогую квартирку на Университетской улице, где открыла свой салон и принимала в нем богатых клиентов – банкиров, крупных дельцов, политиков, стоявших у власти. Но денег, полученных за продажную любовь, ей все равно не хватало, – ее новая профессия требовала больших затрат. Отважная креолка, азартная охотница в Фонтенбло, вознамерилась загнать более крупную дичь, этого «кабана» Поля Барраса, ставшего к этому времени одним из могущественных правителей Франции. Он был другом мужа Терезы Ж. Тальена, с которым они совершили государственный переворот, а ее закадычная подружка стала его любовницей. Она поговорила по душам с Терезой, спросила у нее, как ей нравится ее план нового завоевания, та, заверив ее, что не обидится, благословила ее на этот подвиг. В постели Барраса хватит места и двум любовницам.

Чем же привлек ее Баррас, этот крупный, крепко сбитый человек с широким, как блин, лицом, на котором отражались все мыслимые пороки? Теперь она не обращала особого внимания на внешность клиента, куда важнее его туго набитый кошелек и то место, которое он занимал в обществе. Воду с лица не пить.

Поль Баррас родился в 1755 году в Провансе, на юге Франции, в молодости поступил на военную службу, принимал участие в неудачном походе французского экспедиционного корпуса в Индию, откуда французов прогнали англичане. Всю жизнь больше всего на свете он любил красивых женщин, развлечения и деньги и старался раздобыть их любыми способами. За

присвоение воинских фондов и за неисполнение служебных обязанностей его уволили из армии, и этот убежденный противник королевской власти, этот проходимец в разгар республиканского переполоха в Париже, в этой мутной воде всплыл, оказался на самом верху. Стал народным депутатом от третьего сословия Национальной ассамблеи, потом депутатом Учредительного собрания, в котором, стуча кулаком по трибуне, призывал к казни «предателя-короля». Его усердие не осталось незамеченным якобинцами. Член Комиссии Пяти, член Комитета общественной безопасности, главком внутренних войск, наконец председатель Конвента – этот виконт держал в руках все нити политических интриг. Сам искусный интриган и притворщик, он и не собирался долго находиться в услужении у якобинцев. Выждав удобный момент, когда развязанный революцией кровавый террор достиг своего апогея, он ловкой подножкой вышиб из колеи прежде восхваляемого им до небес Робеспьера, главную опору, тайком организовав вместе с Тальеном и Фуше термидорианский переворот. Голова его дружка Робеспьера покатилась по дощатому настилу эшафота. Под постановлением Конвента о его казни стояла и его, Барраса, подпись. Верховная власть в стране перешла к Директории, и он стал одним из ее пяти директоров, а потом и председателем.

Он сразу же окружил себя невиданной роскошью в Люксембургском дворце. Он по-прежнему любил деньги, власть и красивых женщин и постоянно обновлял свой «гарем». «Любовь – это демократия в действии, – любил повторять он. – Она развивается, а не стоит на месте». Этот похотливый циник, порочный до мозга костей, был еще и большим развратником. Когда ему надоедали женщины или не было под рукой такой, которая его сильно возбуждала, он не гнушался и мальчиками.

Розе было хорошо известно о таких шалостях и «слабостях» этого восседавшего на Олимпе правителя, но даже это не могло поколебать ее решимости. Сейчас для нее главное не он, Баррас, а его Олимп.

Она видела его пару раз у Тальенов, и теперь, после достигнутого соглашения с Терезой о дележе любовника, она приступила к энергичным действиям.

В январе 1795 года она послала ему свою первую завлекательную записочку – клюнет ли он на нее? «Давненько не имела удовольствия видеть Вас. Нехорошо с Вашей стороны обижать невниманием старую знакомую». В феврале она отправила ему вторую, в которой сообщала о своем «легком недомогании» и корила его за то, что «он так ни разу и не посетил ее».

Опытный бабник сразу понял, к чему она клонит. Он давно обратил внимание на соблазнительную смуглянку и тут же откликнулся на приглашение.

Великолепный будуар, увлекательная беседа, которую элегантный виконт расцвечивал своим остроумием, легкое вино, пылающий камин, – Роза без особого труда добилась своей цели. Наутро, выходя от своей новой любовницы, Баррас приобщил и эту брызжущую темпераментом креолку к списку своих одалисок.

Любвеобильный Баррас рассчитывал лишь на мелкую интрижку с прелестной мадам де Богарне, на скоротечность их связи, но, как оказалось, сильно заблуждался на сей счет. Нежданно-негаданно через пару месяцев он осознал, что не в силах ее бросить, как он без всякого сожаления прежде бросал десятки приглянувшихся ему женщин. Нет, эта страстная креолка стала камнем преткновения, и он чувствовал, как крепко держит она его в своих нежных объятиях.

Баррас щедро, не скупясь, платил ей за любовь, даже снял для нее домик в Круасси, куда частенько наезжал ужинать, высылая вперед отряд жандармов для охраны и возок с вином и провизией. На его деньги Роза поместила свою Гортензию в пансион национального института Сен-Жермен, основанного по королевскому указу для воспитания дочерей высших сановников, а своего сына Эжена определила в другой, очень дорогой пансион в Ирландском коллеже.

К удивлению всех парижан, дело дошло до того, что Розе приходилось по просьбе своего могущественного любовника играть роль хозяйки дома Барраса в Шайо, на улице Басе-Пьер, 8. Она лично составляла приглашения всем важным особам от своего имени:

«Гражданка Богарне просит гражданина такого-то соблаговолить прибыть с визитом в такой-то день к ней, чтобы отобедать; там же в это время обещал быть гражданин Баррас. Он рассчитывает на Вашу дружбу и любезность и будет рад видеть Вас...»

Там Роза даже стала присутствовать на совещаниях могущественной пятерки директоров, которых обносила кофе со сливками.

Целых девять месяцев Роза процветала. Судя по всему, ее первый опыт дорогостоящей куртизанки приносил плоды, давал ей все основания для выпестывания своих самых смелых грез. Но, видно, испорченная натура правителя Франции все же исподволь давала о себе знать.

Баррас стал тяготиться своей любовницей, лишавшей его прежней беззаботности и птичьей свободы, и все чаще стал подумывать о том, кому бы ее половчее спихнуть, но не находил вокруг достойных кандидатов. Да и самому ему, если быть откровенным, было жаль расставаться с ней, такой искусной выдумщицей в кровати.

Но во Франции начались такие события, которые сами, по воле судьбы, привели к неожиданной развязке...

Когда Жозефина диктовала гадалке Ленорман свои «Исторические секретные мемуары», она никак не могла вспомнить, кто и где представил ей «маленького» генерала-корсиканца – Баррас или Тереза. Кажется, это было в салоне мадам Пермон.

Этот невзрачный коротышка после знаменитых парижских событий 11–13 вандемьера (3–5 октября 1795 года) стал главнокомандующим внутренними войсками, сменив на этом посту самого Барраса, и получил кличку «капитан Вандемьер».

В стране в это время назревали крупные события. После победы термидорианцев, когда высшее якобинское руководство Конвента во главе с Максимилиеном Робеспьером в прямом смысле было обезглавлено, власть перешла в руки Директории, а Конвенту предстоял самороспуск. Депутаты Конвента не пожелали повторять ошибки членов Учредительного собрания 1791 года, когда те сами добровольно отдали власть, и зарезервировали за собой две трети мест в будущей ассамблее. Правые фракции, роялисты, сторонники восстановления в стране монархии возмутились таким политическим пиратством, считая, что их законные права ущемлены, суверенитет народа попирается самым преступным образом, и призывали к восстанию.

Перепуганный насмерть правым мятежом, добрейший тьюфак генерал Мену, которому была поручена охрана порядка в столице, спасовал перед вооруженными мятежниками и капитулировал. Паника охватила членов

Конвента. Власть выскользала у них из рук. «Молния революции, – печально и беспомощно констатировали они, – гаснет».

Отлично понимая, чем им грозит этот мятеж, чувствуя на шее холодок остывающей без работы гильотины, они кинулись к Баррасу, требуя, чтобы этот «генерал» проявил отвагу, как тогда, когда вступил в смертельную схватку с Робеспьером, штурмовал ратушу и подавил восстание в зародыше. Баррас, конечно, любил прихвастнуть, повсюду корчил из себя настоящего вояку, но никогда таковым, по сути дела, не был. Он предпочитал другие, более безопасные сражения – с одалисками своего «гарема». Сейчас позарез был нужен волевой, решительно настроенный командир, генерал, который проявит беспощадность к врагам революции и не станет миндальничать с восставшими. Причем желательно, чтобы он был артиллеристом, так как подавить мятеж можно только огнем, разящей картечью.

Где же взять такого? Озабоченный сложившейся ситуацией, Баррас в Люксембургском дворце напряженно думал, что же предпринять. Было около полуночи, начинался другой день, 13 вандемьера. Мятежники уже сутки как торжествуют.

Вдруг в скованной, гнетущей атмосфере его просторного кабинета раздался громкий крик Фрерона, комиссара Директории от Марсея:

– Да что тут гадать? Позовите Буонапарте!

Эта минута и решила удачливую судьбу будущего императора.

Баррас знал лично этого способного офицера-артиллериста по осаде Тулона, где тот отличился, представив свой смелый план овладения городом. Ему его представил тогда местный депутат парламента, когда Баррас совершал по югу страны инспекционную поездку.

– Приведите его сюда! – коротко приказал он.

В это время Бонапарт оказался не у дел и просто изнывал от скуки. Когда ему предложили поехать в мятежную Вандею командовать пехотной бригадой в Западной армии генерала Оша, самолюбивый корсиканец возмутился: как это так? Его, героя Тулона, искусного артиллериста, пытаются загнать в грязные

окопы, чтобы кормить там вшей? Нет, не бывать этому. Сославшись на болезнь, он к месту новой службы не выехал. За дерзкий вызов власти и неподчинение Комитет общественного спасения разжаловал его до генерал-адъютанта (полковника).

Оставшись в одиночестве, без подчиненных, опальный генерал не знал, чем ему заняться, и, как говорят, даже подумывал о переходе на службу к турецкому султану. Его не только понизили в звании, но и вдвое уменьшили денежное довольствие, и теперь денег хватало только на обед в день да чашку кофе.

В это время пребывавший не у дел, в резерве, генерал и познакомился с Терезой Тальен. Он настойчиво ухаживал за темпераментной испанкой, понимая, конечно, что шансов на успех у него не было. В ссылке на острове Святой Елены он вспоминал: «Мадам Тальен была такой хорошенькой, просто прелесть. С какой охотой ее поклонники целовали ей ручки... и все то, до чего можно было прикоснуться губами». Однажды он обратился к ней с необычной просьбой. Мадам Тальен подумала, что ослышалась или что у этого замухрышки от голода крыша поехала. Он попросил ее раздобыть ему... драповые офицерские панталоны. Выполнить такую просьбу даже ей, жене друга Барраса, было почти невозможно, так как столь дорогие штаны выдавались интендантством строго по спискам и только старшим офицерам, находящимся на действительной службе. Но перед прелестной кастилькой открывались двери всех кабинетов. Через несколько дней, принимая в своем салоне «заказчика», эта взбалмошная испанка, нисколько не стесняясь гостей, бросила опешившему, готовому сгореть от стыда коротышке новые панталоны:

– Вот, получите ваши штаны, дружок!

Когда он после долгих ухаживаний попросил ее руки, она рассмеялась ему в лицо...

...По приказу Барраса все бросились искать Бонапарта, но его нигде не было. По одной версии, опальный генерал уже прощупывал почву у роялистов, которым предложил свои услуги, но те якобы не захотели иметь с ним дела. По другой, он узнал в театре Фейду, что роялистские колонны двинулись к Конвенту. Он поспешил в здание ассамблеи, где в тревожном ожидании нервно прогуливался по коридорам. Там его перехватили гонцы Барраса и доставили в штаб на площади Карусель.

– Хотите служить у меня? – как всегда грубо, по-солдатски, обратился к нему Баррас— Даю три минуты на размышление.

– Да, – кратко, по-солдатски, ответил неухоженный коротышка в помятом, крепко поношенном мундире.

«В полночь, – рассказывает в своих мемуарах Баррас, – я располагал точными сведениями о том, что восставшие начнут свою атаку в четыре утра. В моем распоряжении было всего пять тысяч бойцов из всех родов войск. Но у меня еще было сорок пушек, которые находились в Салоне. Охрана при них – пятнадцать человек. Я сказал прибывшему ко мне Бонапарту: “Жаль, что ты не явился ко мне раньше. Нельзя терять ни минуты, немедленно отправляйся за моей артиллерией и притащи эти чертовы пушки сюда, в Тюильри”.

Вместе с ним я послал туда отряд кавалеристов численностью две сотни сабель под командованием молодого офицера Мюрата. Они вовремя привезли орудия. Бонапарт – отличный артиллерист, он все точно рассчитал. Хладнокровно приказал открыть огонь по толпе мятежников, собравшихся у церкви Сен-Рош на улице Сен-Оноре. Крови там пролилось немало. Вот и весь сказ».

И вот этот худышка заставил всех заговорить о себе. Началась его головокружительная карьера. 16 октября он получает звание дивизионного генерала, 26-го назначается главнокомандующим внутренними войсками – вместо Барраса, назначенного директором.

...Определенный судьбой и историей момент встречи мадам Богарне с отважным и решительным спасителем республики приближался – их пути должны были вот-вот наконец пересечься...

Вот она впервые увидела его вблизи. Обратимся вновь к ее «Воспоминаниям»:

«Я сидела у окна, разглядывая в горшочках фиалки, которые хозяйка дома просто обожала.

Вдруг слуга громко объявил:

– Генерал Буонапарте!

Услыхав это имя, уж не знаю почему, я задрожала всем телом – эта дрожь не оставляла меня, когда он приблизился ко мне. Я впились глазами в этого отважного военачальника, который одержал довольно легкую, убедительную победу над восставшими парижанами. Все молча его разглядывали. Кажется, я первой осмелилась заговорить с ним:

– Мне кажется, генерал, вы наверняка сожалеете о такой кровавой расправе. Если бы вы хорошенько поразмыслили прежде над той ужасной миссией, выполнение которой вы взяли на себя, то не смогли бы не вздрогнуть от возможных ее негативных последствий.

– Вполне возможно, мадам. Но что вы хотите от меня? Военные люди – это бездушные автоматы, которыми управляет правительство по своей воле. Мятежники должны быть довольны, ведь я просто их усмирил. Пусть благодарят меня за то, что я стрелял по ним только картечью. До снарядов дело не дошло. Преподал небольшой урок парижанам. Франция меня не забудет. К тому же, мадам, эти мелкие уличные стычки – лишь первые зарницы моей будущей великой славы.

– Надеюсь, что убитых было не так много, генерал, – сказала я, следя за скучным выражением на его лице. – В результате пролилась французская кровь, и не важно, кому она принадлежала.

– Крови пролилось не так много, мадам, так что не волнуйтесь. В основном в квартале Брут. Однако небольшое кровопускание всегда полезно страдающему пациенту. Все мы – на стороне народа. Жаль, что это понимают далеко не все...»

Она пригласила его сесть на стул рядом с ней. В эту минуту дверь в гостиную отворилась, и в комнату вошли хозяйка с Терезой Тальен. В руках у них были большие подносы с бутылками шампанского в ведерках со льдом и бокалы из сверкающего хрусталя. Слуги за ними внесли еще несколько подносов для гостей. Тереза с бутылкой шампанского и тремя бокалами подошла к Розе. Наполеон привстал, чтобы помочь ей справиться с бутылкой, но она его мягким жестом руки отстранила. Мол, сама все сделаю – не впервой.

– Сидите, сидите, генерал, – сказала она. – Вы наверняка устали после службы, а долг любой женщины – прислуживать отважному воину. Держите свой бокал. А ты, Роза? Да встань ты наконец, поднимись со своего стула, ленивица. Здравницу

пьют стоя.

Все трое подняли бокалы.

– За здоровье Барраса! За правительство Франции!

Они дружно чокнулись и выпили.

Тереза налила вновь бокалы до краев.

– А теперь за генерала Буонапарте. Пусть его всегда ведет вперед его счастливая звезда!

Гости поддержали тост. Послышался перезвон хрусталя. Все выпили.

– Ну вот, гражданин генерал, – вновь торжественным тоном сказала Тереза. – Вы теперь с нами, с нами навсегда, единый и неделимый!

– Единый и неделимый! – повторил за ней Буонапарте и, допив свой бокал, улыбнулся.

Он то и дело бросал чувственные взгляды на очаровательную Розу. Ей, конечно, было приятно, что он выделял ее из всех присутствовавших в гостиной обворожительных молодых женщин.

Тереза вновь наполнила бокалы. Поднесла один из трех Буонапарте.

– Нет, нет, – гражданка, – отстранился он. – Мы уже достаточно выпили. К тому же сегодня был трудный день.

– Разве ты не видишь, Тереза, что генерал устал? – вступилась за него Роза. – Ему пора домой, чтобы отдохнуть от своих воинских подвигов.

– Я, конечно, устал, – согласился с ней Буонапарте, – но, глядя на вас, я забываю об усталости.

– Ну, думаю, мы еще увидимся.

– Хочется надеяться на это, – сказал он и, щелкнув каблуками, повернулся и, поклонившись, направился к двери.

Слуги перед ним широко открыли створки.

– Какой странный молодой человек, – томно протянула Роза, когда за генералом затворилась дверь. – Сразу начал говорить о своей великой славе. Думаю, он может пригодиться нам в будущем. Что скажешь, Тереза? Нужно приглашать его почаще.

– Приглашать? Что ты! Нужно сделать его своим, открывать перед ним широко двери всех наших салонов, следить за ним, не спуская глаз, чтобы он не переметнулся от нас на сторону. И тут ты можешь отлично сыграть роль соблазнительницы. Ты заметила, как он глядел на тебя? Говоришь, странный? Но я к его странностям уже привыкла...

17 октября, через двенадцать дней после подавления мятежа роялистов, правительство потребовало принять все меры, чтобы не допустить подобных действий в будущем, и для начала разоружить отряды боевиков двух кварталов – Лепелетье и Театрального, заставить их сдать оружие.

Вот что пишет сама Жозефина в своих «Мемуарах» об этой «кампании разоружения», которая стала поворотным моментом в ее судьбе: «В это время я находилась в Фонтенбло, вся в хлопотах, так как готовилась к переезду. Ко мне вдруг явился чиновник, отвечающий за реквизицию. Я сняла со стены саблю покойного Богарне – на кой ляд она мне? – и протянула ее ему. Откуда ни возьмись, как сокол, налетел на меня Эжен, выхватил из рук отцовскую саблю, с пылкостью четырнадцатилетнего подростка закричал:

– Как это так! Отдать саблю, которую носил отец? Саблю, овеянную славой его воинских подвигов? Ни за что! Скорее я умру!

– Какой шустрый, – улыбнулся комиссар. – Я с радостью оставляю саблю вам, но для этого вам нужно получить разрешение у главнокомандующего.

Тогда я посоветовала Эжену добиться аудиенции у Буонапарте. В тот день отважный корсиканец обедал у Барраса в компании шестидесятилетней “директрисы театра”, в прошлом потаскухи. Его адъютант А. Жюно доложил ему о приходе Эжена. Войдя к ним, мой сын, мой нежный мальчик, так расчувствовался, что разрыдался. Буонапарте был растроган. Он знал, что Эжен – сын близкой подруги Терезы и Барраса, а он теперь был так нужен честолюбивому генералу.

Он распорядился вернуть саблю мальчику и даже похвалил его за преданность делу, которое отстаивал его храбрый отец. Такие чувства, мол, умеют ценить у него на родине, на Корсике.

На следующий день я отправилась к нему, чтобы отблагодарить его за такой милый жест. Можно, конечно, было написать письмо, но лучше лично встретиться с ним, еще раз повнимательнее посмотреть на него. Тогда, при нашей первой встрече, он показался мне каким-то странным, даже не смешным, а скорее забавным. Он меня радушно принял. Присмотревшись к нему, я нашла его уже не столь “забавным”. В общем, мил, совсем недурен, говорит, правда, с легким корсиканским акцентом. Живой, темпераментный...

На следующий день он явился сам ко мне, чтобы поблагодарить за мой визит вежливости и выраженную ему благодарность. Боже, какие мы оба учтивые! Я пригласила его заезжать ко мне попросту, без стеснений, когда “захочется”.

Тогда мне показалось, что я ему нравлюсь, что в один прекрасный день он падет к моим ногам. Но как знать? Посмотрим...»

Несколько дней его не было видно на горизонте. Она встревожилась, куда это он пропал, что его удерживало от новой встречи с приглянувшейся ему красавицей вдовушкой? Может, он пронюхал, что она – любовница Барраса, и не желал делить ее с могущественным патроном? Или был по горло занят служебными делами? Он – главнокомандующий войсками, в стране так неспокойно, и он просто обязан постоянно быть начеку, не терять ни на минуту бдительности, сейчас не время валяться в ногах у женщин.

В Розе вновь проснулся азарт охотницы, амазонки из лесов Фонтенбло. Она нюхом ищейки чувствовала, что напала на след крупной добычи, и не хотела ее упускать.

28 октября она написала «маленькому» генералу записку:

«Вы почему-то не приходите в гости к любящей Вас подруге. Вы совсем ее забросили, и совершенно напрасно, ведь она к Вам нежно привязана.

Приходите, если сможете, завтра в полдень ко мне – пообедаем вместе. Мне очень хочется видеть Вас и поговорить об интересующих Вас вещах.

До свидания, друг мой, целую Вас.

Вдова Богарне».

Он пришел к ней в тот же вечер и, охваченный страстью к этой дразнящей креолке, сразу повел на нее бурное наступление. Он был настойчив, неудержим, властен. Глаза его горели, он все больше распалялся. Она поняла, что под его энергичным натиском ей не устоять, придется покориться этому безумцу. Опрокинув ее на кровать, он стал рвать на ней одежду, сильно сдавливал ей грудь, обжигая соски на обнаженных грудях своими жесткими, заветренными губами.

Задыхаясь от желания, торопясь приблизить развязку, он никак не мог отцепить саблю – она мешала ему добиться своего. (Говорят, Наполеон, овладевая женщинами, всегда забывал ее второпях снимать и совершал акт любви под ее ритмичное позвякивание.) Отцепив, наконец, ее и с грохотом бросив на кресло, он принялся неловко, лихорадочно стягивать с себя панталоны, которые полетели вслед за саблей. Так Роза наблюдала за полетом знаменитых суконных штанов, которые ему по благу достала ее подруга Тереза.

«Не знаю, что гнездилось в дивном теле этой креолки, что заставляло погружаться в него меня всего, испытывая божественное, райское наслаждение, – вспоминал Наполеон на острове Святой Елены. – У нее было такое восхитительное, засасывающее лоно, а такой красивой попки, крутой, пухленькой, мне не приходилось видеть ни у одной женщины. К тому же с тремя нежными бугорками, как Труа-Илё, три островка на ее Мартинике! А какая кожа – не кожа, а шелк, бархат!»

Прежде всего после одержанной над вдовой победы он лишил ее привычного имени Роза, выбрав из вереницы внесенных в церковную книгу одно – Жозефа, превратив ее в Жозефину. По его мнению, ее прежнее слишком затасканно, сколько раз его безжалостно трепали уста многих мужчин!

В этот «исторический» вечер она рассказала ему о том, что нагадала ей гадалка Элиама на Мартинике, а он впервые, правда, еще не совсем решительно, заявил о своих намерениях:

– Если станешь моей, будем карабкаться на гору вместе. Я сделаю тебя королевой. Я мечтаю о покорении Италии. Потом очередь Индии. А сколько в мире еще британских владений, из которых давно пора прогнать этих самодовольных, сытых англичан...

Она знала, что рано или поздно его завоюет, знала силу своего главного, разящего наповал оружия – кокетства и красоты и умела применять его в нужный момент. Ее забавляло, что ей удалось вдохнуть испепеляющую страсть в этого щупленького генерала, хотя она приберегала на потом кое-какие из своих познаний «ars amandi»[4 - «Искусство любви» (лат.)] – ласки мужского тела своими тонкими пальчиками арфистки, полными, как две налившиеся ягоды, нежными губками креолки и знаменитые свои «зигзаги», ловкие, верткие движения малым тазом.

На следующий день она читала, перечитывала, удивленно изогнув брови, вот такое письмо своего нового обожателя и любовника:

«7 часов утра

Я проснулся, полный тобою. Твое лицо преследует меня, воспоминания об упоительном вчерашнем вечере бережат все мое существо. Милая, несравненная Жозефина, какое невероятное воздействие Вы оказали на мое сердце! Вы сердитесь? Волнуетесь? Душа моя разрывается от боли, Ваш друг утратил душевный покой.

...Да и где его найти, когда, предаваясь глубоким чувствам, охватившим всего меня, я пью из Ваших уст, из сердца Вашего огонь, меня пожирающий. Ах, в эту ночь я понял: Ваша внешняя оболочка – это еще не Вы. Ты уезжаешь в полдень;

значит, я увижу тебя через три часа. А пока, mio dolce amor (моя сладкая любовь), прими тысячу моих поцелуев, только не возвращай их мне, ибо они воспаляют мою кровь».

Вот он, храбрый воин, околдованный этой чаровницей, вот он, побежденный в первой же любовной схватке герой.

Чудесная авантюра, призванная превратить легкомысленную креолку во властительницу громадной империи, началась...

Роман опытной куртизанки Жозефины, для которой встреча с Наполеоном была одним из многих подобных эпизодов, правда, без денежных расчетов, для генерала стала поворотным пунктом. Впервые в жизни он влюбился, влюбился искренне, глубоко и сильно, и теперь эта обольстительная женщина стала для него всем на свете. Одно его огорчило. Его темпераментная креолка слишком развязно вела себя с мужчинами, постоянно уединялась в кабинете с Баррасом, позволяла второму директору, Карно, целовать при всех себе руки, поглядывала и на третьего, Ребея, который не спускал с нее своих голубых невинных глаз святоши.

Эти встречи, которые Жозефина представляла ему в самом невинном свете, не могли не вызывать у ослепленного бешеной страстью генерала припадков дикой ревности. Он часто ее подкарауливал у дома, когда она, возбужденная и довольная, возвращалась со свиданий с Баррасом.

Розу пленяли элегантность и щегольство виконта, этого красивого богача, утопающего в роскоши Барраса, ей нравились его любовные капризы. Новая связь с Наполеоном несколько не мешала ей по-прежнему любить директора, помогать принимать тому ванну в Люксембургском дворце. Ее забавляло, когда он заставлял толпившихся в прихожей знатных просителей целовать ей руку, еще влажную от любовных утех в теплой, нежно плещущейся воде.

От предложения маркиза де Коленкур она отказалась сама, генерал Ош отказался сам на ней жениться. Может, ей повезет еще с этим тщеславным правителем, навязчиво разыгрывающим роль сюзерена?

Она не раз клялась ему в своей вечной любви и лишь несколько дней назад в его доме, в Шайо, твердо сказала:

– Я буду вас любить всегда, можете рассчитывать на мою верность. Ваша Роза будет всегда с вами, стоит вам лишь подать знак, и я снова буду вашей Розой.

Однажды, когда она выбежала из его кабинета, вся в слезах, после очередного выяснения отношений, то столкнулась в коридоре с Бонапартом. Пришлось ему признаться, что Баррас «жестоко обошелся с ней».

– Сейчас я с ним разберусь! – заорал взволнованный генерал, вытаскивая саблю из ножен.

С большим трудом ей удалось успокоить горевшего мстью генерала.

– Нет, нет, друг мой! К чему все эти глупые сцены? Будьте благоразумны. Баррас, конечно, прямолинеен, грубоват, но он так добр ко мне, услужлив. Он – мой друг, только и всего. Сколько раз он помогал мне. Войдите в мое положение – вдова с двумя детьми.

Однако каждодневные допросы продолжались, сцены ревности повторялись, после чего наступало благостное перемирие в постели.

Однажды он все же довел ее до ручки своими нескромными, по-солдатски откровенными расспросами, и она, вспыхнув, наконец призналась ему в том, что так хотел услышать от нее этот ревнивый ухажер в генеральских погонах.

– Да, я была любовницей Барраса. Более того, кажется, я беременна от него. Ну, что вы скажете? Что мне делать, как поступить – решайте, – залилась она самыми правдивыми слезами, на которые любая женщина большая мастерица. К ее большому удивлению, никакой бури, а тем более корсиканского урагана не последовало. Довольно спокойно Наполеон сказал:

– Ну что же, давай поженимся! Думаю, здесь никаких препятствий не предвидится...

Ошарашенная таким неожиданным предложением, Жозефина не знала, что ей делать, как ей быть, какой дать ответ соискателю ее руки. Да и что скажет Баррас, которому она присягнула на вечную любовь? Голова у нее шла кругом. На следующий день она отправила директору во дворец записочку с просьбой немедленно приехать к ней на улицу Шантарен.

Заинтригованный Баррас приехал. Она встретила своего любовника и господина, томно вытянувшись во весь рост на софе, на эротический манер знаменитой светской львицы мадам де Рекамье, супруги самого богатого в стране банкира, и эта ее поза будет запечатлена навечно французским художником Жераром. Войдя к ней в будуар, он с одобрением оглядывал ее уютное гнездышко, на которое он выделял немало денег из государственной казны.

– Ну, моя маленькая креолочка, – начал с улыбкой он, стараясь скрыть торчавшие вставные зубы. – Как поживаешь, что новенького в твоём аристократическом мире? По какому поводу ты отрываешь меня от важных государственных дел? Кстати, сегодня утром я говорил о военных проблемах с твоим корсиканцем. Я попенял ему за дорогие подарки, которые он тебе делает. Говорят, их стоимость превышает жалованье его солдат, героев вандемьера. Уж лучше бы он послал эти деньги семье. Они бедствуют на своей нищенской Корсике. Знаешь, что мне ответил этот наглец? «Подарки, которыми вы меня попрекаете, – это подарки моей невесте. Можно ли, гражданин директор, меня за это упрекать?» Ты что, на самом деле его охмурила? Ну что же, женатый офицер увереннее стоит на ногах и активнее сопротивляется невзгодам. Придется и мне сделать ему свадебный подарок – поручить командование Итальянской армией. Давно он уже делает по этому поводу прозрачные намеки.

– Вы сами просили меня перетащить генерала на нашу сторону, разве не так?

– Конечно, я и не отпираюсь. Когда филистимляне захотели покончить с Самсоном, разве они не обратились за помощью к Далиле? Надеюсь, что ты пригласила меня к себе не ради этого, моя дорогая? Кажется, ты угодила в ловушку и теперь хочешь выкарабкаться оттуда с моей помощью. Ну, признавайся, как далеко зашла твоя с ним интрижка?

– Он хочет на мне жениться, – всхлипнула она, подергивая своим античным носиком. – Ну, не абсурд ли? Что ему ответить, дорогой, скажи, я тебя умоляю?

– Выходит, ты нарушила данные тебе инструкции, и дело зашло слишком далеко, – протянул Баррас— Но я на тебя за такое самовольство не сержусь. Ты думаешь, я этого не знал? Да у меня уши и глаза повсюду в Париже, по всей стране. Я знаю с точностью до минуты, когда он входил к тебе, когда выходил. Он многое сделал для нас, за это мы назначили его командующим внутренними войсками. Но этот молодой, честолюбивый корсиканец сильно беспокоит меня, и не только меня одного. Такого же мнения Карно, Ребелл. Он, скорее всего, строит далеко идущие планы. Как бы он не замыслил спихнуть всех нас и позвать на трон Бурбонов, которых спихнули мы, республиканцы. Чтобы обезопасить себя, мы решили убрать его из Парижа, выслать куда-нибудь подальше из Франции. Он получит командование Итальянской армией, но только при одном условии – он должен жениться на тебе. Послужишь родине, отечеству. Ты останешься в Париже, твердо обещаю тебе, а он отправится за грядущим Альп.

– Какой смысл выходить за него замуж, если вы оставляете меня здесь, в Париже?

– Большая политика, дорогая. Он без ума от тебя, и мы сделаем тебя заложницей, чтобы он там зря не рыпался и ничего не замышлял против нас.

– Ах как все это ужасно! Снова брак. Вдова становится супругой, – натужно засмеялась она. – Снова оказаться в темнице. К тому же у генерала нет денег. А я уже привыкла к тратам, роскоши.

– Там, в Италии, он быстро разбогатеет. Приличное жалованье, плюс контрибуции. Умные люди делают там состояние за год. А он малый не дурак. Да и пора тебе образумиться, дорогая. Нужно выходить замуж, коли предлагают. Ты думаешь, что тебе все еще восемнадцать? Для чего обманывать себя? Этот парвеню будет только рад связать себя брачными узами с виконтессой, представительницей клана де ла Пажери, твоя знатность, твоя светскость станут твоим приданым. Кроме того, ты отдашь ему по моему приказу Итальянскую армию. Чего еще желать боевому генералу? Какие два подарка мы ему делаем – первую красотку и целую армию. Он будет на седьмом небе. А без него нам тут будет поспокойнее...

Баррас встал, наклонился, погладил ее по головке, словно послушную девочку.

– Ну будь умницей! Может, восходит сейчас твоя звезда... – поцеловав ее на прощание, грузной, тяжелой походкой направился к двери. Там, оглянувшись, послал ей воздушный поцелуй.

– «Может, восходит сейчас твоя звезда...» – задумчиво повторила Жозефина, когда двери за Баррасом закрылись.

Вдруг ее осенило. Она встала, подошла к секретеру, на котором стояла ее любимая восточная игрушка – магический кристалл, который ей привез в подарок один знаменитый путешественник из Японии. Шарик из чистого, как вода горного водопада, стекла диаметром десять сантиметров, стоял на изящной полочке из черного дерева, поддерживаемой четырьмя уморительными карликами с подчеркнуто гротесковыми выражениями на физиономиях – радости, печали, недовольства и гнева. Превосходная вещица – по ней японские маги предсказывают судьбу.

Часто они с подругами, больше всего с Терезой, глядели в этот шарик, но так ничего там и не увидели, кроме светлых, темных пятен и каких-то неясных теней.

«Может, попробовать еще раз?» – пронеслось у нее в голове.

Она поднесла шарик к глазам, стала напряженно в него вглядываться, все пристальнее, пристальнее, покуда не заломило в глазах. Ничего – одни неясные темные очертания, которые можно было принять за что угодно: за вытянутые людские лица, горы, деревья, животных. Жозефина все вглядывалась в надежде все же увидеть что-то такое, что она сможет различить.

Ее старания были вознаграждены. Вдруг она отчетливо, очень ясно увидела луч света, подобный тому, который испускал крупный бриллиант на ее браслете. Луч увеличивался в размерах, становился все объемнее и вдруг превратился в яркую вспышку, в звезду. Да, она теперь видела звезду в обрамлении лучей, она восходила, вернее всплывала к макушке сферы и там застыла, дрожа в стеклянной водянистой пустоте. Вдруг откуда-то из глубины стеклянной массы зажглась, выплыла яркая искорка, она тоже становилась все больше и больше, это зернышко света, постепенно превращаясь в звездочку. Она тоже начала всплывать кверху, к верхнему полюсу шара, где ее поджидала первая звезда. Вскоре они сравнялись, но находились друг от друга на некотором расстоянии.

Жозефина, затаив дыхание, наблюдала за ними, гадая, что будет дальше. Сердце у нее сильно колотилось в груди.

Звездочки медленно, словно нехотя, сближались, как будто какая-то непреодолимая сила влекла их, и вот, покачиваясь, они стали плавать вокруг друг дружки. Крохотное расстояние между ними все сокращалось, и через мгновение они слились в одну звезду побольше, и теперь она загорелась ярким красноватым светом.

Жозефина вздрогнула. Что это? Может, отражение света от красного абажура ламп? Нет, не похоже. Она долго смотрела на переливающуюся красными оттенками звезду и, робея, не смея себе в этом признаться, тихо прошептала: «Моя звезда, его...»

Масло в лампах догорело, и они погасли. Жозефина все глядела на их с Бонапартом звезду, но и она вдруг пропала.

На следующий день, когда к ней снова пришел Бонапарт, такой страстный, взволнованный, пылкий, стремительный, она, шагнув ему навстречу, протянула руку в белой перчатке.

– Вот то немного, что я могу вам предложить, – нежным голоском проворковала она, – то, что вы считаете важным для своей судьбы залогом. Берите, она ваша!

Бонапарт порывисто опустил на колено, прижавшись губами к мягкому атласу ее перчатки.

Глава V

Гражданка Богарне становится гражданкой Бонапарт

Революция коренным образом изменила привычный неторопливый, размеренный уклад жизни в стране, и это, разумеется, коснулось священного института брака. На смену крепостному, церковному пришел либерально-гражданский, развод разрешался, и все французы, изнывавшие прежде под тяжестью брачных

оков, бросились в мэрии, чтобы поскорее от них избавиться.

Жозефина опасалась, как бы без обещанного Баррасом «свадебного подарка» – командования Итальянской армией – генерал не передумал, не отказался от всей этой затеи. Пока «твердое обещание» директора повисло в воздухе. Может, этот велеречивый болтун из Прованса только бахвалился, морочил ей голову, негодовала будущая мадам Бонапарт. Она постоянно, чуть ли не ежедневно, стучалась в массивные дубовые двери его кабинета, умоляла своего любовника поскорее принять решение, не терять зря времени.

Как выяснилось, Баррас не мог сам, единолично, назначить генерала-корсиканца на эту должность. Для этого требовалось еще согласие его коллеги Лазаря Карно, который в Директории отвечал за все вооруженные силы в стране и за рубежом.

Это с их помощью все пятеро пришли к власти в октябре 1794 года. Роза давно заметила, что Карно к ней равнодушен, постоянно бросал в ее сторону пронзительные, многозначительные взгляды. Тогда она принялась за «обработку» этого директора, прибегая к своему испытанному оружию – своим креольским чарам.

Но Карно – это вам не взбалмошный Баррас, который под горячую руку мог подписать все что угодно. Рассудительный, спокойный Карно прежде принялся за тщательное изучение плана Итальянской кампании, составленного Бонапартом, который со свойственным ему безрассудством ставил перед собой почти невыполнимые цели – разгром Северной Италии, Пьемонта, изгнание оттуда австрийцев и заключение мирного договора в покоренной столице империи – Вене.

– Эко куда хватил, – воскликнул ошарашенный таким дерзким планом выскочки-корсиканца мастер взвешенных решений генерал Луи Бертье, будущий военный министр. – Чтобы осуществить такую безумную операцию, нам потребуется еще тысяч пятьдесят штыков!

– План составлен безумцем, и только безумец способен его осуществить, – вторил ему генерал Шерер, бывший командующий Альпийской армией.

Но Карно все же одобрил план операций. Назначение генерала Бонапарта на должность командующего Итальянской армией было подписано 2 марта 1796 года, и в тот же день Жозефина лично передала своему жениху заветную бумагу. Их бракосочетание было назначено на девятое, ровно через неделю. Когда они составляли брачный контракт, ее адвокат Кальмеле, ростом с карлика, шепнул ей незаметно на ушко: «Опомнитесь, мадам Богарне, что вы делаете? Вы еще пожалеете об этом! Мыслимо ли – выходить замуж за человека, у которого всего добра-то – дырявый плащ да сабля».

Но решающий шаг был уже сделан, и путь к отступлению отрезан. И Роза и Наполеон – оба островитяне, их далекие острова Мартиника и Корсика в это время были оккупированы врагами Франции – англичанами, и получить оттуда их метрики было делом безнадежным. К тому же у них на это не было времени. Тогда оба они пошли на небольшой подлог, чтобы, по словам Жозефины, «выровнять их брачный возраст». Бонапарт принес ее адвокату Кальмеле свидетельство о крещении своего брата Жозефа, оказавшегося проездом в Париже, и в результате «постарел на два года». Она воспользовалась документом своей покойной сестры Катрин Дезире и «помолодела», таким образом, на «целых шесть лет».

Теперь можно было ехать в мэрию. Обоим молодоженам – по двадцать восемь! А то ведь скандальность какая – «молодой» невесте тридцать два, а жениху нет и двадцати шести...

...Вечером 9 марта 1796 года пять человек поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж дома номер три по улице Д'Антен, где находился «дворец бракосочетания» 2-го района Парижа. Они вошли в торжественный «золотой» зал, на резном потолке которого порхали влюбленные крылатые амурчики с луками и стрелами. Впереди шел первый свидетель, важный, надувшийся как индюк Баррас в бархатной шляпе с тремя тяжелыми лохматыми страусиными перьями. За ним почтительно, неторопливо вышагивали второй – Тальен и третий – адвокат Жозефины Жером Кальмеле. На деревянной ноге скакал комиссар Директории Колен Лакомб. Не хватает лишь четвертого свидетеля, адъютанта Наполеона Лемеруа, да и... еще самого жениха.

Прошло несколько минут. Бонапарта нет. Все тревожно поглядывали на мерно раскачивающийся маятник больших напольных часов. Все, кроме инвалида-комиссара, который, воспользовавшись неожиданной паузой, прикорнул у горящего камина.

Полчаса... Час... Нет Бонапарта...

Вязкая, бередящая душу тревога овладевала Жозефиной. Может, он вообще не придет? Раздумал? Нет, такое невозможно. Он не просто любит, он обожает ее, боготворит, жить не может без нее и одного дня, особенно после того, как впервые насладился ее телом. Пишет ей такие нежные письма, записки. Не сумасшествие ли вся эта их затея с женитьбой? Они с ним такие разные. Он – свирепый ревнивец, человек любящий, как и все военные, во всем порядок, прижимистый. Она – легкомысленное создание, готовое откликнуться на первый же порыв приближающегося любовного урагана, импульсивная, мотовка, без царя в голове. Любила ли она его на самом деле? Пока она не могла этого сказать, так как чувства к нему, если она их и испытывала, только вызревали в глубине ее растревоженной души, а кто мог поручиться, что там взойдут крепкие всходы. Она сопротивлялась, отказывалась подчиниться Баррасу. Но если директора и просили ее об этом, то лишь для проформы. Она знала, что руки у нее связаны, она стала заложницей политических интриг, и тут ничего не поделаешь.

Лично для нее Бонапарт был лишь «генералом с улицы Сен-Оноре», где 13 вандемьера по его приказу пушки стреляли по толпе. Как и многие другие, она восхищалась его смелостью и отвагой, ей нравилась живость и ясность его ума, горячность сердца, но вместе с тем он внушал ей опасения, даже страх, своей ревностью, своей мощной железной хваткой, своим беспрекословным навязыванием всем окружающим, в том числе и ей, Жозефине, своей воли.

Ее самолюбию, конечно, льстила мысль о том, что это она, мартиникская дикарка, сумела вдохнуть в этого «кота в сапогах» такую сильную, необузданную страсть.

Что, если после того, как их свяжут узы Гименея, он ее разлюбит?

Не станет ли он ее упрекать, корить, кем она была, не припомнит ли все ее любовные связи? Если его страсть к ней поостынет, если он к ней охладает, то ей, Жозефине, такого человека, как Бонапарт, ничем больше не удержать возле себя, тем более что она до сих пор не могла решить для себя, любит ли она его или не очень.

Что же ей останется в таком случае в утешение? Да ничего, одни невыплаканные слезы...

Полтора часа... Бонапарта нет...

По бегающим глазам, по нервной походке Барраса было видно, что тот волнуется гораздо сильнее других. Неужели этот пылкий любовник, этот Везувий страсти, подвел?

Неужели струсил, пошел на попятный? Он уже довольно потирал руки, радуясь тому, как ловко ему удалось сбить с рук надоевшую любовницу, и вот теперь, если Бонапарт не явится, она могла вернуться к нему. Куда же ей деваться? Неужели он, Баррас, просчитался?

Два часа... Бонапарта нет...

Все молчали, чувствуя холодок неловкой ситуации. Беседа не вязалась. Огарок свечи в оловянном подсвечнике на каминной полке нещадно коптил, тускло освещая радостных амурчиков, резвившихся на лепнине потолка.

На лестнице слышались тяжелые шаги, громохание сабли о ступени. Дверь резко распахнулась. На пороге – возбужденный, запыхавшийся Бонапарт в парадном, расшитом золотом мундире, рядом с ним смущенный мальчишка Лемеруа. Наполеон был бледен, его серо-голубые глаза горели, словно раскаленные угли, правая его рука невольно дергалась – верный признак нервного возбуждения.

От двери он кинулся к своей смуглой богине, упал перед ней на колени, охватил ее за талию обеими руками, словно находился не в городской мэрии, а в ее будуаре, с ней наедине.

– Жозефина, дорогая, прости меня! Мне так и не удалось вовремя справиться со всеми делами. Всю ночь не спал, пришлось проверять боеготовность частей, отправляемых в Италию, черт бы их побрал! Бежал сюда всю дорогу, как помешанный, даже не взял фиакр, на нем еще медленнее! Прости меня, мой ангел!

Жозефина снисходительно кивнула.

Только значительно позже ей стала известна истинная причина столь долгой задержки жениха. Оказывается, этот ослепленный страстью генерал не терял при этом головы. Жозефина, пытаясь набить себе цену, пошла на обман и сообщила своему будущему второму мужу, что у нее на Мартинике – большое состояние, приносящее более 50 000 ливров дохода ежегодно. Вот Бонапарт и решил перед бракосочетанием на всякий случай все проверить. Битых два часа он проторчал у ее банкира и покровителя Эмера, но тот ни словом, ни намеком не выдал ложь Жозефины.

– Какая разница сейчас гражданину генералу, – увещевал он его, – какой у вашей будущей супруги доход на Мартинике? Остров захвачен англичанами, и, пока они там, ни о каких капиталах, поступающих оттуда сюда, не может быть и речи. Выбейте англичан, и тогда распоряжайтесь всеми ее доходами.

Жених в сердцах плюнул. Он, конечно, рассчитывал на далекое, теперь уже призрачное эльдорадо на Мартинике, ее имение Ла Пажери, но теперь, кажется, ему там ничего не «светит».

Он догадывался, что здесь, во Франции, у его суженой за душой нет ни гроша. Ничего. Там, за Альпами, он все отнимет у австрияков и составит себе состояние. Приказ о его назначении главнокомандующим лежал в нагрудном кармане. Он жег грудь этого честолюбивого человека...

...Вскочив на ноги, Бонапарт вихрем налетел на посапывавшего у камина чиновника, стал бесцеремонно трясти его за плечо.

– Ну-ка просыпайся, старая калоша, да побыстрее пожени нас! – закричал он.

Еще окончательно не проснувшись, комиссар Колен, подпрыгивая на своей деревяшке, подошел к столу, накрытому зеленым сукном, надел на шею широкий трехцветный шарф. Все свидетели выстроились перед ним полукругом.

Брызгая по-старчески слюной, чиновник забормотал:

– Генерал Буонапарте, сын рантье Шарля Буонапарте и Летиции Рамолино, согласны ли вы взять в жены присутствующую здесь Мари-Роз-Жозефу Таше, родившуюся на острове Мартиника, ныне гражданку Богарне, строго выполнять все свои обязанности мужа и хранить супружескую верность?

– Гражданин, я согласен.

– Гражданка Богарне! Согласны ли вы взять законным супругом присутствующего здесь генерала Буонапарте, строго выполнять все обязательства жены и хранить супружескую верность?

– Гражданин, я согласна.

– Гражданин Буонапарте и гражданка Богарне, именем закона объявляю вас мужем и женой!

Если четко придерживаться буквы закона, то этот брак никак нельзя было считать действительным. Во-первых, были предъявлены два фальшивых свидетельства о рождении, в зале присутствовал один несовершеннолетний свидетель от жениха, который не имел права ставить свою подпись на свидетельстве о браке, как, кстати, и комиссар, который не был мэром, а лишь временно исполнял его обязанности.

Так что еще целый день после этой странной церемонии молодожены находились в незаконном браке. Только на следующий день на свидетельстве появилась подпись мэра Леклера.

Неловкая церемония завершилась, и все вышли на улицу. Все кончено, думала бывшая вдова, ставшая во второй раз супругой. Мадам де Богарне больше не существует, теперь она – мадам Буонапарте, что бы ей в нынешнем ее положении ни сулила капризная судьба. Отныне она – собственность этого странного, молчаливого, нервного человека в погонах, о котором она твердо знала одно, что у него выдающийся военный талант и что он обожает ее до безумия.

Баррас с Тальеном сели в свой экипаж, Кальмеле с Лемеруа пошли пешком по домам, а новобрачные, взяв друг друга под руку, чинно направились в ее особнячок на улице Шантарен. Неприметная с виду парочка совершала свой

торжественный вход в историю.

В карете грузный Баррас, наклонившись, прижался пузом к Тальену:

– Как долго продолжится помешательство этой парочки, как ты думаешь? – хрипло спросил он. – Лично мне кажется, что до первого поражения «зеленого» полководца там, в Италии. А ты?

– Если, судя по всему, новоиспеченная супруга остается в Париже и не собирается делить с супругом тяготы бивуачной жизни, – то до возвращения его из Италии, со щитом или на щите. Ты думаешь, что теперь он у тебя в кармане? Гляди, как бы ты не оказался у него в кармане!

– Только не я, – мрачно ухмыльнулся Баррас. – Я не такой простак. Он мне всем обязан. Своей военной карьерой, красавицей женой. Он должен быть мне благодарен.

– Боже, какой вздор! Лично я считаю, что чувство благодарности для политика – пустой звук. И такой человек, как Буонапарте, не поддастся никаким эмоциям. У него в голове одна карьера.

На следующий день вечером у председателя Директории в его покоях в Люксембургском дворце собралось, как всегда, веселое общество, в котором блистала его креолка, правда, теперь в новом качестве – законной жены коротышки-генерала. Все гости не сводили с нее глаз. Баррас, улучив минутку, отозвал ее в сторону:

– Знаешь, до чего додумался твой благоверный? – сказал он, хихикнув. – Он теперь требует, чтобы отныне все его называли не на итальянский манер, как прежде – Буонапарте, а на французский – Бонапарт. Он, по-видимому, считает, что ему в армии в Италии будет обеспечен большой успех, если он не будет выпячивать свои итальянские корни. Для чего дразнить наших солдат? Но если тебе такая фамилия не нравится, то мы не позволим ему этого сделать. Думаю, что этот итальяшка может дать сто очков вперед любому французу, хотя нельзя не признать, что в душе он остается дремучим средневековым итальянским крестьянином, не находишь? – Он зазорно подмигнул ей.

– Баррас, мне, честно говоря, на это наплевать. Для меня он все же остается чужаком, независимо от того, как звучит его фамилия. По мне главное, чтобы он поскорее избавился от своего злобного корсиканского клана, как и от итальянского «буо». Ах, Баррас, Баррас, для чего ты втянул меня в эту авантюру?

– Какой вздор ты несешь, моя маленькая креолочка! Он уедет, и весь Париж будет у твоих ног. Сколько тебя ждет здесь развлечений – не соскучишься. Ну, что касается твоего муженька, то он наверняка сломает себе зубы об этот крепкий орешек – австрийскую Италию, а беззубая собака не кусается – нечем! – Он громко захохотал. – Ну а теперь забудем о нем и будем веселиться, как всегда.

Она улыбнулась:

– Да, Париж – это мой земной рай. Как здорово, что ты позволил мне здесь остаться. Только на таких условиях я готова быть «счастливой» женой Бонапарта!

...Их медовый месяц продолжался всего две ночи. На третью он уже не лег в постель к жене и почти всю ночь простоял, нагнувшись над столом в салоне, на котором были разложены карты Альп, через которые ему предстояло с войсками пройти по Ломбардии. Несколько раз она подходила к нему в одной ночной прозрачной рубашке, пыталась отвлечь его от планов похода в пользу царства Венеры, но он отнекивался, выталкивая ее назад, в спальню.

– Потерпи, потерпи, дорогая, мы еще вдоволь насладимся после победы.

Ее удивляла его холодная выдержка, и она, укладываясь снова в кровать, повторяла про себя: какой же он все-таки забавный, этот маленький Бонапарт.

Вечером перед домом слышалось фыркание лошадей и звон бубенчиков. За ним приехали его адъютант Жюно и главный финансист армии Шове. Предстоял момент горестной разлуки. Как и любая жена на ее месте, она бросилась к нему, повисла у него на шее, дала волю слезам. Наполеон вырвал у нее обещание приехать к нему в действующую армию. В эту тягостную минуту она была готова пообещать ему все, что угодно, не задумываясь над тем, сдержит ли данное мужу слово. Последний поцелуй, последняя клятва верности. Он уехал,

прижимая к сердцу ее миниатюрный портретики. Жозефина печально глядела ему вслед.

Что произойдет с ним там, за высокими Альпами, в чужой, враждебной стране, оккупированной австрийцами? Вернется ли он оттуда живым и невредимым? Вся его затея с Итальянским походом – бессмысленная авантюра, на которую пошла Директория, чтобы поскорее отделаться от него, Бонапарта. Как же ему, генералу, подолгу выстаивавшему в «прихожей» сильных мира сего, как этому генералу, пользующемуся протекцией Барраса и светской куртизанки, ставшей его женой, победить могущественную Австрийскую империю вкупе с королевством Пьемонт с 37 тысячами голодранцев, давно не получавших жалованья, воевавших на голодный желудок?

Может, ей, Жозефине, суждено во второй раз стать вдовой? Ее гадалка, правда, ничего на сей счет не говорила.

Глава VI

Война любви не помеха

По дороге в Италию и позже, уже из-за Альп, он засыпал ее нежными, страстными письмами, которые знатоки эпистолярного жанра относят к числу лучших в мире. Они летели к ней как белые голубки и садились не на жердочку голубятни, а находили свое пристанище за ободком ее глубокого выреза на платье на ее высокой, еще по-девичьи упругой груди.

Первую свою весточку, в которой он взахлеб говорил о своей к ней любви, он написал уже через три дня, 13 марта, из Шатийон-сюр-Сен:

«Каждая минута отделяет меня от тебя, прелестный друг мой, и с каждой минутой у меня убывают силы, не позволяя более выносить разлуку. Все мои мысли – только о тебе. Я пытаюсь, призвав на помощь свое воображение, представить, что ты делаешь, чем занимаешься. Если мне видится, что ты грустна, сердце мое разрывается от нестерпимой боли, если вижу, что ты

весела, что забавляешься с друзьями, то осыпаю тебя упреками за то, что ты так быстро оправилась от горечи трехдневной разлуки. Значит, ты легкомысленна, ветрена и не способна на глубокие чувства...

Не очень сильно веселись, помни, что легкая меланхолия женщине всегда к лицу. Главное, пусть твоя душа не знает горя, а твое прекрасное тело – хвори. Пусть мой ангел-хранитель, покровительствовавший мне в самые опасные моменты жизни, оберегает тебя, лишив меня своей защиты.

Пиши мне, друг мой милый, пиши длинные письма. Прими от меня тысячу и один поцелуй, самый нежный, самый искренний от искренне влюбленного в тебя».

Ей почему-то совсем не хотелось ему отвечать на его столь пылкое послание – ведь нужно было стараться выбирать такие же пламенные слова любви, но она их не находила, разлука с ним не настраивала ее на любовный лад. Но все же, пересилив себя и взяв в руки перо, начала она свое первое письмо к Наполеону, своему мужу (как это странно, непривычно!), и вдруг, сама того не замечая, стала обращаться к нему на «вы», словно невинная скромница. Получив ее первое письмецо, Бонапарт взорвался:

«Ах ты негодная! Как ты могла написать мне такое холодное письмо! К тому же еще обращаешься на “вы”. Сама ты – вы! Ни на один день я не переставал любить тебя. Не прошло ни одной ночи, чтобы я мысленно не сжимал тебя в своих объятиях. Ни разу, садясь за чашку чаю, я не забывал поносить свою славу, свое честолюбие за то, что они отдаляли меня от души моей жизни...

Моя душа пребывает в печали, сердце заключено в темницу, а воображение рисует ужасные картины. Ты не любишь меня, как прежде. Ты утешилась. И придет день, когда разлюбишь совсем. Скажи мне честно. Я сумею достойно принять такое свое несчастье.

Прощай! Если ты не любишь меня, как прежде, то и вовсе никогда не любила. Жалок жребий мой. Жена!!!»

«Что означают эти три восклицательных знака в конце письма?» – терялась в догадках Жозефина. Может, он до сих пор сомневается, что она на самом деле его жена, что ему привалило такое счастье, и боится ее потерять? Чтобы его успокоить, она написала ему нежное письмо, в котором напоминала о тех восторгах, которые они оба испытывали в постели, – это чтобы не угасало его влечение к ней.

Через несколько дней она получила от него ответ: казалось, он пылал огнем. Ее хитрость удалась, ее сочные описания их сшибок, ее изысканных ласк пальчиками и языком, напоминания о ее неповторимых «зигзагах» бедрами и тазом, бесспорно, его возбудили, и его восставшее мужское достоинство, вероятно, долго не давало ему покоя, переполняя все тело любовным томлением, не находившим себе выхода. Какая это, должно быть, пытка!

«Я получил все твои письма, но ни одно из них не произвело на меня такого сильного впечатления, как последнее. Ты всегда будешь писать мне такие, моя дивная подруга? Мое положение здесь и без того ужасно, а ты своими воспоминаниями о бурных наших ночах усиливаешь мои муки, переворачиваешь всю душу. Они обжигают огнем, и бедное мое сердце воспламеняется!

Ты – единственная мечта в моей жизни. Когда мне надоедают повседневные дела и заботы, когда опасения закрадываются в душу, когда окружающие становятся просто несносными и я готов проклинать свою несусветную жизнь, я, чтобы успокоиться, кладу руку на сердце. Там, в кармане, вместе с ним бьется твой портретик. Я вынимаю его, гляжу на него и понимаю, что любовь к тебе – это и есть абсолютное счастье, которое я испытываю в любой момент, хотя я так далеко от любимой».

В одном из его писем ее насторожила такая фраза: «И если среди ночи я встаю, чтобы поработать, то только для того, чтобы приблизить на несколько дней приезд моей милой подруги».

«Это что еще за новость?» – удивилась она. Какой такой ее приезд? Да, она в сутолоке расставания пообещала приехать к нему на фронт, но обещание вырвалось у нее из уст помимо ее воли. Она вовсе не собиралась ехать к нему в Италию, покидать полную светских удовольствий столичную жизнь, Париж...

...Тем временем в Итальянской армии старые генералы с изрядной долей скепсиса ожидали прибытия двадцатилетнего юнца, которому им волей-неволей придется подчиняться. Они не любили вспоминать, что их армия вот уже год топчется на одном месте на севере Италии, а их орудия фактически не произвели ни одного выстрела по противнику. Об этой брошенной на произвол судьбы захудалой армии, армии без провизии, обмундирования, боеприпасов и денег, Директория просто забыла в нудной текучке повседневных событий и закулисных интриг.

Наконец они очнулись, нашли нового молодого и энергичного командующего, пообещав ему деньги для выплаты жалования солдатам и офицерам, подкрепления, без которых и мечтать о победах не приходилось.

– Что касается меня, – разглагольствовал высокий, крепко сбитый генерал Пьер-Франсуа Ожеро с крупным, мясистым обветренным лицом в палатке перед командирами за несколько дней до прибытия в армию Бонапарта, – то я считаю его назначение полным абсурдом. Ну а сама Директория разве не воплощение абсурда? Каким уважением, каким почетом среди нас, ветеранов, может пользоваться этот мальчишка, который еще сиську сосал у матери, когда мы храбро стояли под градом пуль и снарядов? Кто он такой, этот Бонапарт? Выскочка, любимчик Барраса, и всем нам преотлично известно, с чьей помощью добился он этого назначения. Он изменил орфографию в своем имени, вместо Буонапарте стал Бонапартом на французский манер, но нас на мякине не проведешь! Как бы там ни было, а командовать армией поставлен грязный итальяшка.

– Позвольте не согласиться с вами, генерал, – вступился за Бонапарта командующий артиллерией генерал Огюст Мармон. – Если граждане офицеры его увидят, то и не заметят, насколько он молод. Когда я сам впервые посмотрел на него, что я, боевой генерал, испытал? Не поверите. Чувство безотчетного страха. Этот человек рожден для власти. Не могу объяснить почему, но я до сих пор нахожусь под таким сильным впечатлением. Рано о нем судить. Как говорится, поживем – увидим.

Очень скоро все они смогли убедиться в правоте этих слов. 22 марта, сразу после своего прибытия в армию, Бонапарт развернул кипучую деятельность. Прежде всего он накормил голодных солдат, приказал выдать им вдоволь мяса, хлеба, фураж для лошадей. Без сытой боеспособной конницы нечего и соваться к противнику. На двадцатый день после своей свадьбы и на седьмой после

прибытия в действующую армию он приступил к боевым операциям, удивляя всех своей неумемной, бьющей через край энергией и талантом полководца. За две недели этот беснующийся, не знающий покоя демон одержал шесть побед, в том числе крупные при Монтенотте, Миллесимо, Дего, рассеяв две армии противника – австрийцев и сардинцев, которые насчитывали на десять тысяч солдат больше. Он захватил у противника двадцать одно боевое знамя, взял в плен пятнадцать тысяч солдат и офицеров. Было убито и ранено более десяти тысяч человек. Захватив самую богатую часть Пьемонта, он подписал перемирие в Керраско. О своих ошеломляющих успехах он сообщил Директории. В письме Баррасу от 21 апреля он писал: «Следующая моя цель – Турин. Еще одна победа, и мы – хозяева Италии!»

В конце, по-видимому, в качестве личной компенсации он выставил такое необычное требование: «Я очень хочу, чтобы моя жена приехала ко мне сюда, в Италию».

Письмо-ультиматум неспешно добиралось до адресата в Люксембургском дворце, а легкомысленная Жозефина уже вовсю развлекалась со своим новым избранником в своем особняке на улице Шантарен.

Какие уморительно веселые шуточки откалывал этот ее новый красавец кавалер, молодой лейтенант, гусар, как умопомрачительно каламбурил, какие нежные словечки находил для нее, нашептывая их ей на ушко, почтительно склонившись у нее за спиной и легко касаясь губами ее пышной, пахнущей тонкими духами высокой прически.

Неожиданная встреча с лейтенантом Ипполитом Шарлем, адъютантом генерала Леклерка, с которым они отличились в битве под Безансоном, стала для Жозефины громом среди ясного неба. Он был на девять лет моложе ее, вылитый Адонис, приехавший с юга, чтобы развеять одолевавшую ее скуку. Рост, правда, подкачал – метр шестьдесят семь, всего на несколько сантиметров выше коротышки Наполеона, но зато все остальное, как у античной статуи. Покатый широкий лоб, глаза цвета небесной лазури на загорелом лице, черные блестящие кудри, густые брови, ослепительной белизны ровные зубы, стройные, обтянутые тугими панталонами ноги, сильные мускулистые руки, умеющие ласкать женское тело. Ни одна женщина не могла бы устоять перед этим богом любви, а сраженная им Жозефина даже и не пыталась.

В тот упоительный момент, когда она, задыхаясь от нахлынувшей страсти, капитулировала перед бравым лейтенантом, она и не вспоминала о своем любящем муже, который добывал славу Франции на кровавых полях сражений на Апеннинах.

А распалившийся от легкой победы над Жозефиной, ослепленный ее шармом и красотой салонный шутник пошловато посмеивался над рогоносцем, главнокомандующим Итальянской армией:

– Гражданка, как это муж такой молодой и красивой женщины желает овладеть не ею, а Миланом?

Жозефина заливалась веселым смехом, награждая находчивого остро слова звонким поцелуем. А как он неотразим в своем лазурном мундире с алым кушаком! Стройный стан затянут доломаном с серебряной тесьмой, мягкие элегантные сапоги из красного сафьяна, поверх всего – небрежно наброшенная на одно плечо гусарка с воротом, отороченным переливающимся лисьим мехом. Кривая сабля болтается у бедра в кожаных ножнах. Пышные закрученные бакенбарды, черные усы добавляли этому светскому хлыщу особой лихости, а о напудренной косичке и хохолке, задорно торчащем над этой красивой головой, и говорить нечего. Сколько слабых сердечек светских модниц заходило от восторгов при виде этого неотразимого, как на картинке, кавалера!

«От него можно сойти с ума, – спешила сообщить о своих первых впечатлениях Жозефина своему другу Талейрану, ставшему недавно министром иностранных дел Директории. – Такие красавицы, как Рекамье, Тереза Тальен и Амлен, кажется, совсем потеряли голову из-за его красивой головки. Я вам его непременно представлю. Он высказывает такие интересные мысли».

Стоит ли осуждать Жозефину за этот глуповатый лепет влюбленной по уши «пожилой девчонки»? Вряд ли. Ведь она искренне считала Ипполита своей второй настоящей любовью (первой, как известно, был генерал Луи Ош) и не меняла своего мнения до конца жизни. Ну что же, любовь порой набрасывает свой искажающий реальность магический покров и на женщин куда более высокого умственного и нравственного уровня.

Он умел здорово смешить, и это больше всего нравилось в нем Жозефине. В его компании она беззаботно, до упаду, смеялась. А этот «полишинель», как его

часто называли в салонах, этот придворный шут потешал всех своими смелыми каламбурами и, как тогда называли, «мистификациями».

«Талант мистификатора, – писал один из свидетелей таких развлечений, – состоял в том, чтобы, сидя с дамами за столом, корчить самые невообразимые гримасы, подражать крикам различных животных, или изображать режущий ухо визг пилы, или копировать голоса известных в свете людей. Но самой большой популярностью пользовался другой трюк. Этот весельчак, выбрав себе невинную жертву, начинал методически издеваться над несчастным, отпускать в его адрес язвительные, обидные замечания и повсюду его преследовать на потеху публики, не отставая от него ни на минуту».

Его проделкам самого дурного пошиба не было конца, здесь он поистине был неистощим. То привяжет незаметно саблю к ножнам своего начальника, генерала Леклерка, то каким-то загадочным способом у всех на глазах превратит его зеленую венгерку в синюю, то, намалевав физиономию сажей, начнет разыгрывать из себя креола и «дальнего родственника» Жозефины с Мартиники.

Подобные безвкусовые эскапады, однако, всем поголовно нравились и Жозефину вовсе не коробили, – напротив, вызывали у нее к нему все новые приступы нежности.

Светская молва только подогревала чувства Жозефины, и она тем охотнее принимала у себя в будуаре «всеобщего любимца», «баловня света».

Там, в ее уютном гнездышке, раздавались порывистые вздохи, звучали приглушенные страстные слова любви, сплетались жаркие руки, накаленные неиссякаемым желанием трепетные тела, там Жозефина, как ей казалось, отдавалась своему новому любовнику с такой пылкой горячностью, так самозабвенно, как никому прежде.

Какое дело этим утратившим от великой страсти рассудок возлюбленным до названий замшелых итальянских деревень, где муж Жозефины вдали от родины громил противника, ее врагов, заноса эти места в скрижали истории? Какой, однако, обидный парадокс. Имя генерала Бонапарта теперь было у всех на устах, но только не срывалось с искусанных припухших губ его законной жены.

Они проводили, словно в забытьи, целые дни в постели, и из его крепких объятий ее вырывал лишь стук копыт верховых курьеров, доставлявших ей от генерала письма, которые она не стесняясь громко зачитывала своему неистовому любовнику.

«Я получил от тебя недописанное письмо, так как ты, наверное, решила поехать прогуляться за городом. И после этого ты осмеливаешься ревновать меня, меня, который завален по макушку делами и падает с ног от усталости... Ах, моя милая подружка! Я, конечно, не прав. Сейчас весна, как хорошо дышится на природе! Тем более если рядом любовник, которому всего девятнадцать лет...»

Это была его первая мистическая догадка, которая вскоре перерастет в подозрение. Одно вызовет другое, и для этого будет немало оснований. Сбившись в темную тучу, словно злобные бесы, они будут постоянно лишать полководца радости от беспримерных, молниеносных побед.

В начале мая она получила от него письмо, которое повергло ее в тоску, – неужели скоро закончатся эти дни непередаваемого блаженства в объятиях Ипполита? Нет, нет, только не это. Она гнала от себя эту шальную, неприятную для нее мысль, от которой сразу застывала на месте, как холодная статуя, и у нее все валилось из рук.

«Твои письма – единственная радость всех дней моих, а счастливых у меня – раз-два и обчелся. Жюно везет в Париж трофейные знамена – двадцать две штуки! Ты должна приехать с ним. Слышишь? Если не прислушаешься к моей просьбе, то пусть он один не возвращается... Но ты ведь приедешь, правда? Ты будешь здесь, рядом со мной, лежать у меня на груди в моих объятиях, уста наши сольются. Скорее, скорее прилетай! Но поезжай не торопясь – дорога плохая, длинная, утомительная...

Чаще думай обо мне...

Целую в сердечко и ниже, ниже, ниже!

Б.».

Тем временем влюбленный генерал беспощадно крушил все на своем пути. Одна победа следовала за другой, одна громче другой.

После крупного выигранного им сражения при Лоди Бонапарт окончательно уверовал в свой военный гений, которому было все по плечу. Теперь он не считал себя просто генералом, главнокомандующим армией, – нет, теперь он генерал над всеми генералами, супергенерал! Тяжелое поражение австрийцев открывало ему путь на Милан, и он вскоре на самом деле въехал в столицу Ломбардии на белом коне, как истинный триумфатор, и миланцы восторженно приветствовали этого француза – освободителя от австрийской тирании.

Своим разящим мечом он вырезал из «итальянского сапога» целые куски – обширные территории, вырывая их из рук прогнившей монархии.

Его адъютант полковник Жюно вскоре привез в Париж двадцать два захваченных у противника знамени, и на торжественной церемонии в Люксембургском дворце по поводу их передачи властям Жозефина была «царицей бала». Когда она под руку с Жюно вышла из дворца, густая толпа парижан встретила ее воплями. Ей устроили продолжительную оvation.

– Да здравствует генерал Бонапарт! – дружно скандировали все. – Да здравствует гражданка Бонапарт, вдохновительница всех его побед! Да здравствует гражданка Бонапарт, наша богоматерь-победоносица!

Ошарашенная таким бурным приемом, своим новым титулом, придуманным для нее любящими всякие прозвища добродушными парижанами, она грациозно дарил толпе свои очаровательные улыбки.

Теперь с утра возле ее дома на улице Шантарен собирались любопытные, чтобы поглазеть на супругу великого полководца, сражавшегося в Италии за великие идеалы революции, полюбоваться этой богиней, когда она, такая красивая, грациозная, шла к поджидавшей ее карете, покачивая страусовыми перьями на модной шляпке.

Искреннее ликование народа возле ее дома ей, конечно, нравилось, кружило голову, но неожиданно из-за этой орущей перевозбужденной толпы у нее возникло непредвиденное затруднение: как незаметно выпроваживать из

особняка Ипполита после проведенной с ним шальной ночи?

– Ты только подумай, – жаловалась она со слезами на глазах своей верной подружке Терезе, – неужели теперь я все могу с такой легкостью бросить, когда я сама оказалась на гребне его славы? Смогу ли отказаться от дорогих нарядов, веселых балов, светских развлечений, чтобы ехать к нему через Альпы в действующую армию, словно жена какого-то сержанта, трясущаяся в обозе. Ну, разве это разумно, что скажешь? Нет, этого я сделать не могу да и не хочу!

Когда Жюно, которого она отправила в постель к своей смазливой горничной Луизе Кампуэн, чтобы тот не досаждал ей своими уговорами ехать, явился без нее в штаб Бонапарта, генерал впал в бешенство. Выходит, эта ветреница ослушалась, наплевала на его требования, требования мужа.

Разъяренный генерал вызвал к себе Мюрата и приказал ему во весь дух скакать в Париж и не возвращаться оттуда без Жозефины. Травящие душу подозрения теснили грудь, а неподвижное застывшее лицо его серело от мрачных мыслей.

А тут еще как назло сразу после отъезда Мюрата произошел один странный случай, который суеверный генерал воспринял как дурное предзнаменование.

Он по неосторожности разбил миниатюрный портретик Жозефины. Побледнев как полотно, весь задрожав, он повернулся к своему адъютанту и проговорил сквозь зубы:

– Мармон, моя жена либо больна, либо мне изменяет...

Тут же стремительно, брызгая скрипучим пером, Бонапарт настроил ей гневное письмо: «Если ты мне изменяешь, то страшись кинжала Отелло. Ты должна думать только обо мне либо откровенно, с презрением, сказать, что ты меня больше не любишь».

Она дала прочитать письмо своему другу, поэту и писателю Антуану Арно. После чего, засмеявшись, сказала со своим креольским акцентом: «Какой все же он забавный, этот маленький Бонапарт», – и небрежно бросила листок в ящик стола...

Верховой Иоахим Мюрат, вихрем промчавшись через Альпы вместе с приказом Жозефине ехать вместе с нарочным в Италию, привез ей и письмо от изнывающего от подозрений и любви к ней своего командира:

«Я писал тебе, чтобы ты приехала с Жюно, теперь прошу тебя приехать с Мюратом и ехать через Турин. Возможно, тогда я увижу тебя через две недели.

Счастье мое – в твоём счастье, радость моя – в твоей радости. Никогда ни одну женщину не любили с такой преданностью, с таким пылом и нежностью, как люблю тебя я... Потеряв тебя, твою любовь, твоё сердце и твоё очарование, я потеряю все, что есть в жизни дорогого и приятного. Жизнь моя, ну как же мне не печалиться? Писем от тебя нет, а если и приходят, то одно в четыре дня, а если бы ты меня любила, то писала бы по два в день... Я же люблю тебя с каждым днем сильнее. Разлука страсть лишь раздувает. Целую тебя в губы и сердце. Я один у тебя, ведь правда? И еще – поцелуй в грудь. Как счастлив Мюрат... он пожмет твою руку... Ну, если ты не приедешь!!!

Пиши и поскорее приезжай. Это будет поистине счастливый день, когда ты переедешь через Альпы. Это будет лучшая награда для меня за все мои невзгоды и одержанные победы».

Жозефину, однако, не трогали его мольбы – ей совсем не хотелось тащиться в дребезжащей карете через Альпы. Куда приятней кататься на кровати в объятиях Ипполита!

Обезумев от любви к этому вертопраху, она что было сил цеплялась за Париж, не желая расставаться ни с этим веселым городом, ни со своим любовником. Но Мюрат – это вам не беспечный Жюно, этот грубиян вполне способен заломать ей руки, потащить к Наполеону силой. Он никогда не церемонился со слабым полом.

В отчаянии, не зная, что ей предпринять, она побежала к Терезе Тальен: что она ей посоветует в такой пикантной ситуации? Но она никак не рассчитывала на то, что услышала из уст своей милой подруги:

– Да, дорогая, плохо, конечно, если тебя силой заставят ехать к нему. Но, с другой стороны, разве это не разумный шаг? Твой муж ежедневно покрывает себя славой, и теперь вокруг него вьются сотни красивых женщин, слетаются к нему, как мухи на мед. Ты не знаешь этих сладострастных итальянок. Что он мог предложить им, когда впервые приехал к своим голодранцам? Да ничего! А теперь у него есть все, слава, власть, победы, большие деньги. Думаю, тебе все же стоит туда поехать, чтобы присмотреть за ним, удержать от соблазна.

– Какая чепуха! – отмахнулась обидевшаяся на подругу Жозефина. – Буду я еще себе этим голову забивать! Он там только и мечтает обо мне, мечтает ночью, лежа в походной постели. Разве ты не читала его писем? Он меня ими просто засыпал. Покажи мне ту женщину из миллиона красивых особей нашего пола, которая получала бы такие горящие страстью письма. Приходится лишь удивляться, почему не воспламеняется бумага, на которой они написаны.

– Все равно, – стояла на своем Тереза, – мужчины часто меняются.

– Такой человек, как Бонапарт, не меняется, – возражала Жозефина. – Ума не приложу, как он выкраивает время для своих победоносных сражений, если только и пишет мне всю эту любовную дребедень. Какой он все же забавный, этот маленький Бонапарт! Нет, никуда я не поеду. Ни под каким предлогом. Нужно все как следует обмозговать.

– Что это вы тут собираетесь обмозговывать? – раздался зычный раскатистый голос толстяка Барраса, который вошел в гостиную под руку с хозяином дома Тальеном.

– Гражданки! Я принес вам радостную весть об очередной победе нашего корсиканца. Они долбят меня, как градины по макушке. Ха-ха! Мне стало известно, что Мюрат собирается на днях отвезти тебя, Роза, к своему благоверному Ахиллу, который только и мечтает о том, чтобы заключить тебя в свои объятия, лучше, конечно, обнаженной. Ха-ха! Знаете, он прислал мне в подарок золотую статуэтку женщины. На ней – длинное платье. Почему это он, страдая там от полового воздержания, так ее и не раздел, не могу понять. Какой он скромник!

Баррас громко расхохотался.

– Ах, оставьте, Баррас, ваши глупые шутки, – запротестовала Жозефина. – Сейчас не до них. Я только что сказала Терезе, что не желаю ехать к нему, и не поеду. Ничто, никакая дьявольская сила меня не заставит сесть в карету. Скажусь больной. Баррас, вы ведь мне твердо обещали, что после нашего бракосочетания я останусь здесь, в Париже, и никуда с ним не поеду. Только на таких условиях я согласилась.

Директор в упор глядел на нее. Какой она прежде была очаровательной, но в последнее время красота ее поблекла, что особенно заметно, когда рядом с ней эта неувядаемая темпераментная испанка. Баррасу было приятно вспоминать, как и ее он затащил в свой «гарем». Теперь бледна, печальна. «Поразительная красотка, – думал он о ней, – так любит все получать, а отдавать взамен лишь по капельке».

– Знаешь, милочка, – начал он, – он не такой простак, и если ты ему напишешь, что у тебя мигрень или несварение желудка, он тебе, конечно, не поверит. Тут нужно придумать предлог позабористее, прямо-таки артистичный, что-то такое, что может воззвать к его чувствам мужчины, мужа, наконец, отца, – добавил он и весь просиял от своей находчивости. – Напиши-ка ему, что ты беременна! – И он снова захохотал.

Но в глубине души ему было не до смеха.

С каждым днем он все яснее осознавал, что ошибся в выборе главнокомандующего Итальянской армией. Этот корсиканец ежедневно слал в Директорию сердитые депеши, требовал продовольствия, боеприпасов, амуниции, пополнений, – а где все это взять? Прежде забытая армия становилась для Барраса главной головной болью, а Бонапарт – все более опасным человеком, за действиями которого внимательно наблюдала вся Европа. Он привлекал к себе всеобщее внимание, словно костер на горе. К тому же его прежде прочному положению в Директории угрожал Гойе, который стал интимным дружкой Жозефины. От этой троицы теперь можно ожидать опасного подвоха в любую минуту. Теперь становилось, как никогда, ясно, что от Жозефины тоже нужно поскорее избавиться.

Мюрат по прибытии в Париж тут же направился к Жозефине на улицу Шантарен. Луиза проводила его по лестнице на второй этаж в будуар хозяйки. Грубый,

неотесанный вояка, будущий маршал и шурин Наполеона без лишних слов протянул ей письмо от главнокомандующего. Этот могучий, покрытый пылью Альп всадник залпом опорожнил стакан портвейна, который поднесла ему робеющая перед ним Жозефина. Крякнув, он по-солдатски прямо сказал ей:

– Гражданка, у меня строгий приказ от гражданина Бонапарта доставить вас немедленно к нему, и мне придется его выполнить, несмотря ни на какие ваши протесты или возражения. Уж не обессудьте, мы – люди военные, на женские слабости внимания не обращаем.

Он стоял перед ней, вытянувшись, как истукан, ожидая, что она ему скажет. Сама смиренно пойдет с ним, или придется ее отсюда вытаскивать как телку на веревке?

– Гражданин полковник, – тихо сказала Жозефина, – я с радостью, безропотно, поехала бы с вами туда немедленно, сегодня же, но, к сожалению, я слишком слаба, нервы мои расстроены вконец, я страдаю от сильного несварения, и в таком состоянии не могу предпринять столь трудного и долгого путешествия в Италию.

– Но в Италии тоже есть хорошие врачи...

– Но там не будет моего личного. Только ему одному известны все болячки моего организма. И моя любимая собачка Фортюне заболела, а без нее я никуда ни шагу, не могу оставить ее одну в этом доме. К тому же больна и моя дочь Гортензия, ей требуется внимание матери, уход... Кроме того... кажется, я беременна...

– Короче, гражданка. Значит, вы отказываетесь?

– Только по состоянию здоровья...

Он, щелкнув каблуками, резко повернулся и тяжело зашагал к двери.

После его ухода она помчалась к Терезе, все рассказала ей о визите Мюрата.

– Знаешь, чтобы отвязаться от этого нахала, – он пытался меня облапить! – я сказала, как надоумил Баррас, что беременна. Сказала, что сама напишу об этом Наполеону.

– Ну а на самом деле?

– Не знаю. Думаю, что да. В любом случае я никуда с этим солдафоном не поеду.

Она на самом деле написала Бонапарту, что не могла выехать с Мюратом, потому что беременна и ждет ребенка... Что же это было? Чудовищная ложь во спасение или правда? Была ли Жозефина на самом деле беременна или не была? Этого никто никогда не узнает.

На сей счет существуют только предположения. Несколько дней у нее держалась высокая температура, но ее могла вызвать какая-нибудь инфекция. Мог быть и выкидыш, если она на самом деле носила во чреве плод. Последний исход наиболее вероятен из-за бурных любовных утех с Ипполитом, из-за танцев до упаду на балах, проходивших в Париже чуть ли не ежедневно.

«Никакой беременности у нее не было и в помине», – утверждали ее недоброжелатели, считавшие Жозефину воплощением двуличия, отчаянной лгуньей, способной напридумывать столько, сколько не под силу самой Шахерезаде.

«Я всегда любил ее, – говорил Наполеон, – но никогда не уважал из-за ее постоянной низкопробной лжи».

На этот раз он, по-видимому, забыл о своем кредо, а когда, наконец, получил ее письмо, в котором она сообщала, что он скоро станет отцом, Бонапарт чуть не подпрыгнул от радости.

Он получил эту весть 13 мая, когда находился в Лоди. Под наплывом «отцовских» чувств он тут же в своей палатке написал ей трогательное письмо. Как же влюбленные мужчины легковверны, как просто женщинам обвести их вокруг пальца!

«Значит, правда, что ты беременна? Мюрат мне сообщил. Но он пишет, что ты плохо себя чувствуешь и что в целях предосторожности тебе пока нельзя отправляться в столь длительное путешествие. Значит, еще долгие месяцы я буду разлучен с тобой, с той, которую так сильно люблю! Неужели я буду лишен счастья увидеть тебя с животиком? Ты, наверное, станешь еще привлекательнее...

Оставайся в Париже. Развлекайся. Я страдаю от одной мысли, что ты грустна или печальна. Мне казалось, что я страшный ревнивец, а оказалось, что это не так. Какое испытание – представить себе, что тебя гложет печаль. Чтобы рассеять ее, я скорее сам найду для тебя любовника. Если Жозефина несчастна, если она печальна, значит, она не любит меня...

Скоро ты дашь жизнь другому существу, которое будет любить тебя так же сильно, как и меня. Твои дети и я, мы всегда будем рядом с тобой...»

Он и не предполагал, что эти его искренние излияния прочтет заведенный ею самой любовник и даже начнет копировать страдающего Бонапарта своими уморительными выкрутасами, а жестокая, вероломная Жозефина будет покатываться со смеху от его кривляний.

Бонапарт уже воображал себя счастливым отцом, главой семейства. 18 мая он вновь написал ей милое письмо: «Не знаю почему, но этим утром я испытываю большое удовлетворение. Предчувствую, что ты приедешь, и эта мысль преисполняет меня радостью. Я просто с ума сойду. Как мне хочется видеть, как ты носишь нашего младенца под сердцем. Милая моя женушка, ты скоро родишь ребеночка, красивого, как и его мамочка, он будет любить тебя, как любит тебя его отец, и когда ты состаришься, доживешь до ста лет, он будет твоим утешением и счастьем. Ну а пока не смей любить его больше меня. По правде говоря, я уже начинаю ревновать его к тебе...»

Через неделю, перед отъездом из Милана в Лоди, где расположена его штаб-квартира, он прибегнул в своем очередном письме к хитрости, чтобы вызвать и у нее приступ ревности к нему, – легкое наказание за то, что она ему редко пишет:

«Здесь вчера устроили большой праздник в мою честь: пятьсот или шестьсот элегантных красавиц старались вовсю, чтобы понравиться мне, но ни одна из них не напоминала тебя, ни у одной нет такого нежного, гармоничного лица, как у тебя, которое навсегда глубоко запечатлелось в моем сердце... Ну, когда приедешь? Как проходит беременность? Береги себя, милая, будь весела, побольше двигайся...»

Пользуясь его отсутствием, осмелевшие австрийские войска вновь овладели Миланом. Он тут же вернулся со своими храбрецами, налетел на позиции противника как вихрь и очень быстро рассеял их боевые порядки. В городе вспыхнул антифранцузский мятеж монархистов, и генерал со свойственной ему беспощадностью подавил его быстро, восстановив в Ломбардии строгий республиканский порядок. Он не давал австрийцам опомниться и вскоре своими умелыми, решительными действиями вытеснил их за пределы Северной Италии.

3 июня 1796 года он подписал в Бреши перемирие, в результате чего Неаполитанское королевство вышло из первой антифранцузской коалиции (1792–1797).

Он рвался в Милан, чтобы поскорее встретиться с «беременной» Жозефиной, – он был почему-то уверен, что она уже там. Но, приехав в свой дворец Сербельони, он, к своему великому огорчению, узнал, что ее там нет и что она еще даже не выехала из Парижа!

Безутешный, вновь взял в руки перо и, с трудом сдерживая скупые слезы, выплеснул на бумагу свои чувства обманутого в своих ожиданиях несчастного мужа:

«Душа моя готовилась к радостной встрече с тобой, но теперь полна горечи и боли. От тебя нет писем, и ты сама не приехала. Ты меня никогда не любила! Напрасно я ускорял ход всех дел своих, рассчитывая увидеть тебя в Милане 13 мая, а ты все еще в Париже. Теперь мне предстоит замкнуться в самом себе, заглушить в своей душе чувство к тебе, меня недостойное. Теперь мне ничего не остается, кроме славы, и если такой славы мне мало для желанного счастья с тобой, она, по крайней мере, придает мне сил, чтобы с достоинством встретить смерть, этот залог бессмертия... Тысячи кинжалов терзают мне сердце. Так не вонзай их еще глубже! Прощай, мое счастье, жизнь моя, все, что я имел на этой

земле».

Как всегда, с трудом разбирала Жозефина его каракули, заляпанные чернильными капельками, слетавшими с его стремительного, подгоняемого злостью пера. Это было первое его письмо, в котором он заговорил (от отчаяния?) об их возможной разлуке.

На сей раз, потрясенная его вырвавшимся из глубины сердца горькими словами, она уже не произнесла свою дежурную фразу: «Какой он все же забавный, этот маленький Бонапарт!»

Неужели это он всерьез, неужели на самом деле все кончено и ей суждено вернуться к прежней безрадостной жизни с ее громадными долгами, кредиторами, постоянной охотой за богатыми любовниками? Нет, она этого не хотела, слава мужа кружила ей голову, и она не желала возвращаться к прошлому. Чувствуя, что этот безумец на самом деле на грани нервного срыва, она прибегла к спасительной лжи в который раз: написала ему, что приехать сейчас не может не потому, что не любит его, а потому, что очень больна, просто на грани между жизнью и смертью, и что трое опытных врачей не отходят день и ночь от ее изголовья.

Ее нехитрая уловка удалась и на этот раз. Ослепленный своей страстью к ней, Бонапарт проглотил и эту наживку. Через несколько дней он отправил ей совершенно другое письмо, в котором не было и намека на грядущий разрыв с ней:

«Трудно описать ту минуту, когда я получил твое письмо, какое беспокойство охватило меня, когда я узнал, что ты больна, что возле тебя три врача, что жизнь твоя в опасности и поэтому ты не в силах мне писать. Я и передать тебе не могу, в каком я сейчас состоянии. Надо знать мое сердце и любить тебя так сильно, как я люблю. Огонь пожирает мои вены. Сердце в отчаянии. Ты так страдаешь, а я так далеко от тебя. Увы! Может, тебя уже нет в живых!»

Они перечитывали это письмо вместе с Ипполитом, и этот фигляр, подражая жалостливому тону ее мужа, передразнивал героя Франции: «Боже, может, тебя уже нет в живых!»

Как ни странно, такое смешанное с нахальством бессердечие этого шалопаея ей нравилось. Она все оттягивала встречу с мужем, так как не могла вырваться из цепких объятий Ипполита. А Бонапарт терпеливо ждал от нее вестей, страдая вдалеке от нее. 11 июня он написал ей еще одно письмо:

«Несмотря на все удары судьбы, на все невзгоды, я люблю тебя, люблю ту, которая причиняет мне столько огорчений, и буду любить всю жизнь. Сегодня ночью я перечитал все твои письма и то, которое ты написала мне своей кровью. Боже, какой ураган чувств оно вызвало у меня в душе!»

Курьер доставил это письмо Жозефине через неделю – 18 июня, а Баррасу – такую записочку от главнокомандующего: «Я в полном отчаянии. Несмотря на все мои призывы, моя жена ко мне не едет. Наверное, ее удерживает в Париже ее любовник».

Баррас обомлел. Неужели этот «ясновидящий» в мундире догадался? Быть беде!

Глава VII

Полгода в Италии, ставшей полем брани

Поль Баррас, четверо его коллег – директоров, все члены правительства понимали, что ситуация, резко обострившись, становится взрывоопасной, и все из-за того, что эта упрямица Жозефина наотрез отказывается ехать в Италию к своему мужу – победителю австрийцев. Сколько можно потакать капризам этой взбалмошной дамочки, которая без ума от своего молодого любовника и никак не решается расстаться с ним.

Брат Наполеона Жозеф, который ходил из одного кабинета в другой, пытаясь выбить для себя хлебную должность консула, показал Баррасу письмо от брата. Кажется, этот корсиканец совсем рехнулся. «Мой друг, я в отчаянии. Моя жена, которую я люблю больше всего на свете, больна. Голова идет кругом... Знаешь, какая она огненная женщина, первая женщина, которую я просто обожаю. До

нее я никого не любил... Я люблю ее до сумасшествия и не могу больше оставаться вдали от нее. Если она меня не любит, то мне больше нечего делать на этой земле...»

Нет, их итальянский герой наверняка спятил. А это весьма и весьма опасно. Что, если ему взбредет в голову бросить армию и явиться сюда для любовной разборки? Наломает он здесь дров. Как это все некстати.

Война с Италией еще не закончена. Процесс умиротворения мятежной страны не завершен. А переговоры с Папой? С Римом пока мир не заключен – далеко до этого. Австрияки выжидают, готовые в любую минуту вернуться на свои бывшие территории.

Этого нельзя позволить. Баррас, пытаясь выиграть время и не допустить приезда Бонапарта к «тяжело больной супруге», в своей депеше лицемерно подтвердил, что Жозефина на самом деле «больна», но неопасно, и за ней постоянно наблюдают опытные, самые лучшие врачи. Понимая, что больше медлить нельзя, он вызвал к себе Терезу Тальен – пусть она уговорит свою ближайшую подругу подчиниться воле мужа, пусть «надавит» на строптивницу. Баррас теперь и сам был не рад, что пообещал ей не отправлять к мужу в Италию. Его положение в Директории пошатнулось, все больше власти прибирал к своим рукам Гойе, ставший интимным другом этой проклятой ненасытной креолки. Он не устоял перед ее томной завлекательностью, как когда-то и он сам, Баррас. Теперь нужно было как можно скорее от нее избавиться, чтобы избежать неприятностей, вытолкнуть силой из Парижа.

– Послушай, Тереза, – решительно начал он, стараясь быть с ней построже, поофициальнее. – Эта твоя закадычная подружка ломает здесь комедию, как последняя дура. Ты женщина, которой не занимать ума, а у нее куриные мозги, поэтому ты можешь повлиять на нее. Пусть катится к мужу, в Италию, там ей сейчас место. Она нам тут мешает. Трубит на всех перекрестках о его славных победах, словно это она их одержала. А этот коротышка рад стараться, готов сожрать всю Италию, что настроит всю Европу против нас. Пусть едет к нему, ублажает его в постели, чтобы он расслабился и растратил свой излишний боевой пыл.

– Но она как раз этого и не хочет, – робко возразила Тереза.

– Тогда зайди с другой стороны, атакуй с фланга. Скажи ей, что там она будет настоящей королевой, будет жить в Милане, в королевском дворце, и таким образом реально осуществится тот бред, который ей вбила в голову эта чертова гадалка с Мартиники. Скажи ей, что у нее будут самые сногшибательные наряды от самого Бертини, все модницы будут с восторгом перенимать ее туалеты, все мужчины будут у ее ног. К тому же в Милане так же весело, как и в Париже.

– Не нужны ей мужчины, – вздохнула Тереза. – Она души не чает в своем Ипполите Шарле. Он, по-моему, днюет и ночует в ее постели.

– Черт бы его побрал! – смачно выругался директор, видимо, вспомнив, что и сам он не раз грешил с ней на этом лежбище. – Послушай, – вдруг встрепенулся он. – Если не хочет ехать одна, пусть забирает своего розовощекого любовника вместе с постелью. Подыщем ему какую-нибудь должность в Милане, подальше от австрийских пуль. Карно по моей просьбе подпишет приказ. Все будет шито-крыто, комар носа не подточит. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Ну как? Что скажешь?

– Вы, как всегда, находчивы и прозорливы, гражданин директор, – похвалила его Тереза.

– Только держи язык за зубами, – предостерег он напоследок. – Дело – государственной важности.

Обстановка резко изменилась. Если прежде Директория удерживала в заложниках Жозефину, то теперь сама запихивала ее в карету, запихивала не одну, а с любовником, отправляя их обоих к ее мужу. Чтобы как-то подсластить пилюлю, загладить свою вину за столь безнравственный поступок, хитроумный Баррас отправил Наполеону в Милан такую издевательскую депешу:

«Директория до сих пор возражала против отъезда гражданки Бонапарт, опасаясь, что заботы о жене отвлекут супруга от подвигов, которых ждет от него отечество, а посему было принято решение, что она гражданка отправится в Италию только после того, как будет взят Милан. Милан Вами взят, поэтому возражений с нашей стороны больше нет...»

Хорошая мина при плохой игре: Бонапарт уже полтора месяца как в освобожденном Милане.

Теперь Баррас все время торопил Жозефину, подстегивал: мол, пора ехать, время не ждет. Легко сказать – ехать, а где ей взять денег на такую поездку в оккупированную страну? Пришлось собирать их буквально по франку. К счастью, ей удалось получить «комиссионные» в размере десяти тысяч франков за обещание добиться в интендантстве мужа военного заказа на поставку в армию двадцати тысяч одеял. Впервые она поняла, насколько легко ей, жене главнокомандующего, разжиться деньгами за счет армейской казны. Она не забудет своей первой сделки. За ней последуют другие, покрупнее. «Королеве Милана» не пристало щеголять в обносках. От ее умопомрачительных нарядов все дамы должны исходить белой завистью.

Попутчики быстро нашлись, и их карманы транжира Жозефина облегчила на несколько сотен луидоров. Первый, конечно, – Ипполит Шарль, средоточие ее страсти, тут ей удружил Баррас. Он вместе с братом Наполеона Жозефом в числе официальных сопровождающих ее особы до места назначения, включая ее любимого песика Фортюне, которому тоже предстояло полюбоваться тропическими красотами полуденной Италии и при случае бесцеремонно их обмочить.

Она пригласила в поездку также мужа своей подруги, тоже креолки, сына высокопоставленного чиновника в Министерстве финансов, молодого Амлена. Пригодится в будущем и он, и его папаша. С ним увязался и его друг Монгла, тоже, по-видимому, большой пройдоха.

Когда она собирала чемоданы, отдавая последние распоряжения о покупке нужных вещей и провизии в долгую дорогу, Бонапарт продолжал бомбардировать ее своими безумными письмами. Охваченный восторгом ожидания ее приезда, он строчил ей по несколько писем в день, но отсылал лишь по одному – остальные не решался, запихивая их поглубже в карманы. Уж слишком «глупыми» они казались даже ему самому.

Перед самым отъездом она получила последнее письмо. Вот оно:

«За последний месяц я получил от моей подруги всего две записочки, каждая в три строчки...

Скажи мне, ты, которая так умеет не любя заставлять сгорать от любви других, как мне излечиться от всепоглощающей любви? Я дорого заплачу за такое снадобье...

Вспоминая все твои обиды и грехи, я готов казнить себя, чтобы только отделаться от любви к тебе. Ну и что в результате? Я еще больше тебя люблю. Так вот, несравненная мамаша, скажу тебе по секрету: можешь сколько угодно смеяться надо мной, пренебрегать мною, – ладно, оставайся в Париже, заводь любовников, пусть об этом все знают, не пиши мне вовсе, и тогда я буду любить тебя в десять раз сильнее.

Ну не безумец ли я, одержимый бредовой горячкой? Но выздороветь мне, увы, не дано. Но нет, черт побери, я все же выздоровею!...»

Этот «ясновидящий в погонах» не предполагал, что ни его сводничество, ни его советы не требуются, что Жозефина уже все давно сама «обстряпала» и что всего через несколько дней будет сидеть в карете напротив Ипполита, их колени будут соприкасаться на каждой дорожной ухабине, высекая искру старательно подавляемого желания.

Жозефина ехала к мужу, прихватив с собой своего любовника.

24 июня 1796 года. Все же наступил этот скорбный день отъезда, который она старалась, как могла, оттянуть. Скупая Директория по этому случаю раскошелилась, устроив в ее честь прощальный обед, который больше походил на поминки.

Вся в слезах, она нехотя подошла к карете, как будто ей предстояла Голгофа – из тюрьмы Карм на эшафот. Кажется, ей там было гораздо легче, чем сейчас. Ей предстояло провести пару дней в Фонтенбло у своей тетки, мадам Реноден, и своего бывшего тестя маркиза де Богарне. Бывшая любовница старика сумела узаконить свои отношения с ним, став в результате маркизой.

Рано утром 26 июня кортеж из четырех карет тронулся в путь, в Италию. В первой открытой карете ехала гражданка Бонапарт, любуясь пресыщенной физиономией сидевшего напротив Ипполита, расточая ему самые нежные улыбки. Рядом с ней – Жозеф Бонапарт, который лечился в Париже от «дурной болезни». Всю дорогу он обдумывал план своего романа «Мойна». С другого ее

бока – полковник Жюно, адъютант Наполеона. Нельзя не упомянуть и еще об одном пассажире – любимом ее песике Фортюне, который вполне благосклонно относился к ее любовнику Ипполиту, давая ему себя гладить по мягкой шерстке, но невзлюбил с первого взгляда Бонапарта, даже ловко укусил его за ногу, когда тот, вознамерившись приступом овладеть Жозефиной, лихорадочно стаскивал с себя подаренные Терезой панталоны из тонкого «генеральского» сукна.

Во второй карете ехала ее камеристка Луиза Кампуэн и двое слуг. В третьей – почетный гость, принц Сервенони, будущий председатель Директории созданной Бонапартом Цизальпинской республики, с Никола Клари, мужем ее подружки Дезире.

Замыкали караван в почтовом дилижансе два ее новых знакомца – весьма предприимчивые молодые люди – Амлен и Монгла. Они оживленно обсуждали варианты различных махинаций, которые собирались «провернуть» в побежденной Северной Италии.

Впереди всех скакал их курьер Мусташ, который занимался сменой перекладных на почтовых станциях, размещением попутчиков в гостиничных номерах, заказывая для Жозефины и Ипполита и еще одной влюбленной парочки – Жюно и Луизы – смежные комнаты. Так что на всем маршруте в Италию ночные бои в постели не утихали...

...Вечером 30 июня Бонапарт прибыл во Флоренцию. Там его ждал курьер, передавший ему письмо от Жозефины, в котором она сообщала о своем скором приезде. Прочитав его, он чуть не подпрыгнул от радости.

– Бертье, – заорал он, чувствуя себя на седьмом небе, – она едет, едет! Я так и знал, что в конце концов она решится. Пусть Мармон скачет ей навстречу. Свяжись немедленно с королем Сардинии. Пусть окажет моей жене королевский прием, когда она будет проезжать через его владения.

Впервые Жозефина воочию увидела, что такое «королевский прием», когда ее карета 7 июля въехала в Лион. Шпалеры гвардейцев с ружьями на плечах по обе стороны улицы, почетный караул, горы цветов, не вмещавшиеся в ее карете, бесконечные торжественные речи, громкие здравницы, восхваления, перебиваемые церковными песнопениями. В общем, переполох «по заказу». Но

такое подчеркнутое, показное выражение бьющих через край
верноподданнических чувств ей нравилось, так как все это ей было в новинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ватерлоо – населенный пункт в Бельгии, возле Брюсселя, в период Ста дней там 16 июня 1815 года англо-голландские войска под командованием герцога А. Веллингтона и прусские войска под командованием фельдмаршала Г. Л. Блюхера разгромили армию Наполеона. (Примеч. авт.)

2

Монтаньяры (фр. montagnards от montagne – «гора») – революционная демократическая группа депутатов в Конвенте, занимавшая верхние скамьи в зале заседаний. Санкюлоты (фр. sans culotte; букв.: «без коротких штанов») – так называли патриотов, революционеров периода Великой французской революции. Так когда-то называли в насмешку представителей городской бедноты, не носивших коротких штанов из дорогой ткани. (Примеч. авт.)

3

Кармелиты – монашеский католический орден, основанный во второй половине XII в. в Палестине, на горе Кармель, во времена Крестовых походов. (Примеч. авт.)

4

«Искусство любви» (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/kanevskiy_lev/nesravnennaya-zhozefina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)